

ПОЛОВИННЫЙ КОД

ТОТ,
КТО
СПАСЕТ

18+

Салли
Грин

Салли Грин
Половинный код. Тот, кто спасет
Серия «Половинный код», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17202621
Половинный код. Тот, кто спасет / Салли Грин: Э; Москва; 2016
ISBN 978-5-699-79211-5

Аннотация

Натан Бирн все-таки получил три подарка из рук отца, обрел Дар и стал истинным колдуном.

Но какой ценой: в плену у темной колдуньи Меркури осталась его возлюбленная Анна-Лиза, лучший друг Габриэль пропал, а Фэйрборн потерял.

И только две вещи остались неизменными в его жизни: преследующие его Охотники, которых направляет его сестра Джессика, и предсказание о гибели отца от рук сына.

Сумеет ли Натан спасти возлюбленную, убедить отца в своем нежелании его убивать, а самое главное – справиться со своим даром?

Впервые на русском языке!

Содержание

Часть первая	5
Новый день	5
Ожидание	9
Я и Анна-Лиза	14
Темнеет	18
Конец ожидания	20
Парень, ты не мертвый?	23
Несбит	27
Киеран и партнер	30
Последний взгляд	36
Часть вторая	38
Ван Даль	38
Амулет	44
Предложение	50
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Салли Грин

Половинный код. Тот, кто спасет

Sally Green

Half Wild

Copyright © Sally Green, 2015.

Copyright © Half Bad Books Limited 2014.

The author and illustrator have asserted their moral rights. All rights reserved.

© Н. Екимова, перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

*Но ты почувствуешь в груди тяжелый дух,
Который с хрипом изойдет в последний вздох...
Вне себя от всех сожалений.*

Уилфред Оуэн (пер. Е. Лукина)

Часть первая

Красный

Новый день

ПОЕТ КЛЕСТ

другая птица, не клест, отвечает

опять первая

CHOBA

клет —

черт, утро уже

Я СПЛЮ

да, утро, очень раннее

черт, черт, черт

надо просыпаться надо просыпаться

неужели я столько спа...

~~~~~

ЧЕРТ!

звук совсем рядом. РЯДОМ!

[illegible]

Такой четкий звук означает, что кто-то с мобильником близко. Очень близко. Черт, и как я мог заснуть, когда у меня Охотники на хвосте. Да еще она. Такая быстрая. Вчера она меня почти поймала.

[illegible]

ДУМАЙ! ДУМАЙ!

[illegible]

Ты едва заметно двигаешь пальцами левой руки, пальцы у тебя липкие. Они слиплись вместе. Так, словно их окунули в сладкий, густой сок, который теперь засыхает. Только это не сок —

не думать не думать не думать не думать

НЕ ДУМАЙ ОБ ЭТОМ!
ДУМАЙ О ЧЕМ-НИБУДЬ ДРУГОМ!

~~~~~

ДУМАЙ О ТОМ, КАК ВЫЖИТЬ!

Надо двигаться. Охотники у тебя на хвосте. Та, быстрая, была очень близко. Прошлой ночью она подобралась совсем близко. Что произошло потом?

Что произошло?

НЕТ! ЗАБУДЬ.

~~~~~

ДУМАЙ О ТОМ, КАК ВЫЖИТЬ.
СООБРАЖАЙ, ЧТО ДЕЛАТЬ.

Можно ведь посмотреть, для этого всего-то нужно повернуть голову, совсем чуть-чуть. Земля под твоей щекой колется сосновыми иголками. Рыжими сосновыми иголками. Но они порыжели не от старости. Они порыжели от крови, засохшей крови. Твоя левая рука вытянута вперед. Она тоже в крови. Запекшейся, темной. И это не просто брызги, нет, это сплошная корка.

Корка из красной крови.

~~~~~

Надо найти ручей и помыться. Смыть ее с себя.

~~~~~

Надо идти. Надо бежать отсюда.
Надо шевелиться. Вставай.

~~~~~  
 ~~~~~

Мобильник близко, но он не движется. Не приближается.
Но поглядеть все-таки надо. Надо проверить.
Поверни голову в другую сторону.

Ожидание

Я опять в Швейцарии, высоко в горах, в долине, – не в той, где коттедж Меркури, а рядом, в полудне пути пешком.

Я здесь уже не одну неделю и за это время пару раз навещал долину Меркури. Сначала я пошел туда по своим следам, поискать ручей, на берегу которого я потерял Фэйрборн, магический нож, украденный мной у охотников. Точнее, не мной, а Розой. Ручей я нашел быстро, и то место на берегу тоже – по красным и желтым пятнам на земле. Но никакого Фэйрборна. Я ходил вдоль ручья сначала вверх по течению, потом вниз, заглядывал под каждый куст, даже под камнями смотрел – ничего. Самому смешно стало – надо же, до чего я дошел, камни переворачиваю! На второй день поисков я заставил себя прекратить это занятие. И стал задавать себе вопросы: а был ли у меня вообще этот нож или мне помешлось? Может, его утащило какое-нибудь животное? Или он исчез сам, каким-нибудь магическим путем? В конце концов, все это меня достало. Больше я его не искал.

Теперь я сижу здесь, в пещере, и жду. Так мы договорились с Габриэлем, и потому я здесь: сижу и жду Габриэля. Он приводил меня сюда как-то раз и зарыл в пещере жестянку с письмами: это любовные письма его родителей, его единственное сокровище. Теперь они лежат в моем рюкзаке, вместе с жестянкой. А сам я сижу здесь. И говорю себе, что, по крайней мере, у нас был план. Что само по себе неплохо.

Правда, план оказался неважным:

«Если что-то пойдет не так, встречаемся в пещере».

И кое-что действительно пошло не так – точнее, вообще все.

Я и не думал, что до нашего плана когда-нибудь дойдет дело. Точнее, думал, что хуже всего будет, если я умру. Но я не умер, и все хуже некуда. Я дожил до своего семнадцатилетия, получил три подарка и стал настоящим колдуном. Но, кажется, выжил только я один. Роза... Роза умерла... Это я знаю наверняка: ее застрелили Охотники. Анна-Лиза спит, ее сон как смерть, она в плену у Меркури, и я знаю, что ее нельзя оставлять там надолго, иначе она умрет прямо во сне. А Габриэль пропал – с тех пор, как мы украли Фэйрборн, прошло четыре недели и четыре дня, а его все нет. Будь он жив, он уже давно был бы здесь; попади он в плен к Охотникам, они стали бы его пытаться и...

Но об этом я тоже запрещаю себе думать. Такое у меня правило на время ожидания: не думать о всяком дерьме. Держаться позитива. Беда в том, что мне тут совсем нечего делать, только сидеть, прокручивая в голове одни и те же мысли, и ждать. Поэтому я каждый день заставляю себя перебирать все свои позитивные мысли по списку и говорю себе, что, как только я дойду до последней, Габриэль вернется. Хотя мне приходится убеждать себя в том, что это возможно. Он мог спастись. Главное, настроиться на позитив.

О'кей, значит, еще один сеанс правильного настроения...

Во-первых, надо чаще смотреть по сторонам. Вокруг прорва позитива, и надо видеть его каждый чертов позитивный день.

Взять хотя бы деревья. Деревья позитивны. В основном они высокие, толстые и довольно прямые, но есть и поваленные, замшелые. Хвойных больше, чем лиственных, и оттенки зелени у них разные, от почти черного до лаймового, в зависимости от света и возраста хвои. Я уже так хорошо знаю все здешние деревья, что могу описать любое с закрытыми глазами – только я стараюсь пореже их закрывать: когда глаза открыты, мыслить позитивно как-то проще.

От деревьев я перехожу к небу, которое тоже позитивно: обычно ярко-голубое днем и прозрачно-черное ночью. Я люблю небо такого цвета. Иногда в нем появляются облака, но,

насколько я вижу, сидя в лесу, они большие и белые, а не серые, не дождевые. Плынут они в основном на восток. Ветер здесь не чувствуется: в лесу всегда так, загораживают деревья.

Так, что у нас есть еще? А, да, птицы. Птицы позитивные, шумные и жадные – вечно они то горланят, то едят. Одни клюют семена, другие – насекомых. Иногда высоко над лесом пролетают вороны, но они не в счет: ко мне они не спускаются. Они черные. Как углем нарисованные. Или как будто вырезанные острыми ножницами из куска черной бумаги. Я высматриваю орлов, но ни один пока не появлялся; вспомнив о них, я начинаю думать об отце и о том, правда ли он превращался в орла, чтобы следить за мной, и тогда мне начинает казаться, что это было давным-давно, и...

Хватит!

Мыслям об отце тут не место. О нем вообще нужно думать избирательно. Не давать себе поблажек. Иначе легче легкого соскользнуть в негатив.

Так... значит, еще раз о том, что меня окружает. О чем я не вспомнил? О деревьях говорил, о небе, облаках, птицах тоже говорил. Да, о тишине... ее тут много. Прямо залейся. Особенно по ночам ее столько, что на весь Тихий океан хватило бы. Тишину я люблю. Никакого жужжания, никакого электрического треска. Тишина. В голове ясно. Наверное, я бы даже речку внизу, в долине, слышал, если бы не деревья: они глушат звук.

Так, с тишиной разобрались, теперь о том, что движется. Движения здесь не так уж много: до сих пор я видел только небольших оленей – они очень тихие, коричневые, все такие тонкие, хрупкие и слегка нервные. Еще движутся кролики, они серовато-коричневые и тихие. А еще здесь есть полевки, серо-коричневые, и сурки, серые и тихие. Есть пауки, черные и тихие; мухи, черные и тоже тихие, пока не подлетят ближе, и тогда окажется, что они жужжат, да так громко, что даже смешно становится; одна заблудившаяся бабочка василькового цвета, тихая; с деревьев падают шишки, коричневые, они тоже тихие, но, когда падают с дерева на землю, выговаривают одно-единственное слово – «туп»; еще с деревьев падают иглы, тоже коричневые, и шумные, как снег.

Вот и весь окружающий позитив: бабочки, деревья и прочая хрень.

Теперь можно и о себе поговорить. На мне старые ботинки. Их толстенные подошвы гнутся не хуже, чем мои ноги, так давно я их ношу. Коричневая кожа местами потрескалась, на правом ботинке лопнул шов, сквозь него внутрь затекает вода. Джинсы давно уже потеряли всякую форму и похожи на мешки, зато они удобные; правда, протерлись так, что светятся, на левом колене дыра, внизу штанин бахрома; прежде синие, теперь они стали серыми, с пятнами от земли и зелени. Ремень: черная кожа, медная пряжка. Хорошая вещь. Футболка: была белая, теперь серая, на правом боку дыра, на локтях много мелких дырочек, как будто кто погрыз. Насекомых у меня нет, по крайней мере, нигде не чешется. Хотя я грязный. Иногда я моюсь, если просыпаюсь в крови. Хорошо хоть, что на моей одежде никогда не бывает крови. Я всегда просыпаюсь голым, когда...

Думай об одежде!

На чем я остановился? Кажется, на футболке. Поверх футболки рубашка, толстая и теплая, из шерсти, на ней еще можно разглядеть зеленые, черные и коричневые клетки. Уцелели три черные пуговицы. На правом боку дыра. На левом рукаве прореха. Трусов и носков у меня нет. Носки раньше были; куда они девались, я не помню. Еще у меня были перчатки. Шарф, наверное, в рюкзаке. Сто лет в него не заглядывал. Надо бы посмотреть как-нибудь. Все-таки занятие. Может, там же и перчатки найдутся.

Так, что теперь?

Даже не стемнело. Значит, можно еще о себе подумать.

Руки у меня жуть на что похожи. Просто жуть. Обветренные, шершавые, в трещинах; правое запястье все в таких шрамах, как будто кожа на нем расплавилась и потекла,

а потом опять застыла; ногти черные, обгрызены почти под корень; и татуировки. Три на правом мизинце и одна большая на тыльной стороне левой ладони. Ч 0.5. Половинный код. Это чтобы все знали, кто я: наполовину Черный. Ну а для тех, кто не разглядит татуировки на руках, есть еще запасные – на ноге и на шее (моя любимая – шучу!).

Но эти татуировки – не украшение, и даже не простое клеймо: в них есть магия. Если меня поймают Охотники и я снова попаду в руки мистеру Уолленду, мне отрежут мизинец, положат его в колдовскую бутылку, и я буду в их власти. Если бутылку сожгут, я умру; через нее мне смогут причинять всякие мучения. Так я, по крайней мере, думаю. Татуировки – способ держать меня под контролем. И сначала они воспользуются ими для того, чтобы заставить меня убить отца.

Только я никогда его не убью. Не смогу, даже если захочу, ведь мой отец самый сильный Черный Колдун из всех, о ком я когда-либо слышал, и у меня просто не хватит сил, ведь я против него ничто. То есть я, конечно, неплохо дерусь и хорошо бегаю, только против Маркуса этого мало.

Черт! Опять я о нем думаю.

Подумаю-ка я лучше снова о своем теле.

Иногда оно вытворяет странные вещи. Оно превращается. Об этом надо подумать, и как следует. Надо понять, как оно превращается, зачем и, главное, в кого.

Я даже не помню, как это происходит, но я знаю, что это бывает, потому что иногда я просыпаюсь голым и не таким голодным. Правда, иногда меня тошнит, желудок освобождается от ночной пищи, а рвота все не проходит и не проходит. Не знаю, наверное, он не всегда может переварить то, что я ем ночью. В основном это мелкие зверьки, хотя как я их ловлю, я не помню. Но я знаю, что я их ем: в моей блевотине попадают мелкие косточки, клочки шерсти и кровь. Однажды я видел хвост. Голый, вроде крысиного. Значит, я превращаюсь в зверя. Как иначе это объяснить? У меня тот же Дар, что и у отца. Но я ничего не помню: ни того, как я превращаюсь в зверя, ни что делаю потом, ни как превращаюсь обратно. Ничего, пока не проснусь. Я всегда сплю после превращения, так что, наверное, оно отнимает у меня много сил.

Прошлой ночью я убил маленького оленя. Проснулся рядом с его полуобглоданным телом. Меня не вырвало. Наверное, желудок привыкает. До этого мне жутко хотелось есть, теперь уже не так. Значит, привыкнуть можно ко всему, даже к сырому мясу. Хотя я бы и нормальной едой не побрезговал. Бургер, чипсы, рагу, пюре, ростбиф и йоркширский пудинг. Человеческая еда. Пирог. С заварным кремом!

Внимание!

Не думай о том, чего не можешь получить, ведь ни к чему хорошему это не приведет. И вообще, будь осторожнее со своими мыслями. А то так и в негатив скатиться недолго. Сегодня мне хорошо удавался позитив, так что под конец дня можно побаловать себя мыслями о разных людях, даже и об отце чуть-чуть, хотя о нем надо думать особенно аккуратно.

Я видел его. Я встречался с Маркусом. Он меня не убил – я, правда, никогда всерьез и не верил в то, что он это сделает, – но зря, что ли, о нем люди разное говорят: выйти могло по-всякому.

Все свое детство я считал, что Маркусу на меня плевать, а оказалось, что он думал обо мне все время, так же как я о нем. А еще он всегда хотел мне помочь. Он нашел меня. Он остановил для меня время, что, наверное, не так просто, даже для него. Он провел для меня церемонию дарения: дал мне свою кровь и три подарка. Вот его кольцо, оно золотое, я верчу его на пальце, подношу к губам, целую, ощущая его тяжесть и вкус. Пуля – его второй подарок – лежит у меня в кармане: это волшебная охотничья пуля, которую отец вырезал из раны у меня в боку. Иногда я опускаю руку в карман и нащупываю ее там, хотя мне даже не очень нравится иметь ее при себе – все же это охотничья вещь. И, наконец,

третий подарок, который он дал мне – моя жизнь – все еще со мной. Я, правда, до сих пор не уверен в том, что такой подарок считается, потому что никогда раньше не слышал о нематериальном подарке; но он – Маркус, и ему лучше знать.

Благодаря отцу я жив. Благодаря ему я получил свой Дар, такой же, как у него. Часто колдунам приходится искать свой Дар, бороться за него год или даже больше, мне же не пришлось даже оглядываться. Он сам меня нашел. Правда, я не знаю, хорошо это или плохо. Лучше подумать о чем-нибудь другом...

Моя семья – вот еще одна позитивная тема. Когда я думаю о них, я редко впадаю в негатив. Правда, я скучаю по Аррану, но уже не так, как в плену у Селии. Как я скучал по моему брату тогда, в первые недели в клетке. Но это было так давно... года два тому назад, кажется. Совет забрал меня из дома в пятнадцать, как раз перед дарением Аррана. Да, с тех пор прошло два года, но я знаю, что у них все хорошо, у Аррана и Деборы. Эллен, моя знакомая полукровка, связалась с Арраном, показала ему мое фото, принесла мне его видео, так что я видел его лицо, слышал его голос. Я знаю, что без меня им лучше. Я никогда больше их не увижу, но это не страшно, ведь они знают, что я сбежал, что я жив и свободен. Мыслить позитивно – моя цель, а это самая позитивная из всех моих мыслей, ведь чем дальше я от тех, кого люблю, тем лучше для них, и тем мне легче.

Иногда я сижу у входа в пещеру, иногда даже ложусь ненадолго поспать, но сплю чутко и обычно предпочитаю ждать здесь, на своем дереве, тем более что отсюда хороший вид. И растет оно над самым обрывом, так что случайно на меня никто не набредет. С другой стороны, как знать. Охотники – они потому и охотники, что хорошо охотятся. Я стараюсь вспоминать о них пореже, хотя притворяться, будто их нет, тоже не имеет смысла. Так что я сижу на своем дереве весь день, а когда темнеет, вот как сейчас, я позволяю себе вспомнить былые дни, еще до того, как Совет забрал меня из дома, до Селии, до клетки.

Больше всего я люблю вспоминать, как мы с Арраном играли в лесу за бабушкиным домом. Я прятался где-нибудь на дереве, а Арран, когда находил меня, лез за мной, но чем выше он поднимался, тем дальше я пятился, пока не оказывался на какой-нибудь совсем тонкой веточке. Он просил меня перестать, и я подбирался к нему, и мы садились на сук, свесив по бокам ноги – вот как я сижу сейчас, – и я опирался на Аррана спиной. Как бы мне хотелось так посидеть с ним сейчас, почувствовать спиной тепло его тела. Угадать, улыбнется он или нет, ощутить, как поднимается и опускается от дыхания его грудь, почувствовать его руку, обнимающую меня.

Только сейчас об этом лучше не думать. Не думать о том, чего не можешь получить.

Еще я помню бабушку, как она возилась с пчелами, помню кур, которые забредали в кухню через вечно открытую дверь, помню грязный кухонный пол под ее сапогами. В последний раз я видел ее, когда меня забрали. Мы были с ней в здании Совета, когда мне сказали, что Селия будет моей «наставницей и опекуной». Тогда я впервые увидел Селию, услышал ее звук, ощутил на себе ее Дар, которым она держала меня в подчинении. Кажется, будто это было в прошлой жизни. Селия оглушила меня тогда своим шумом, я упал, и меня понесли, я оглянулся и увидел бабушку – она стояла одна посреди комнаты, где обычно проходили мои Освидетельствования, и выглядела испуганной и старенькой. Теперь, оглядываясь назад, я думаю, бабушка знала, что никогда больше не увидит меня. Селия сказала мне, что она умерла, и я знаю, что это они заставили бабушку умереть, как и мою мать.

Теперь я знаю...

Что это?

Шаги! В темноте!

Моя кровь наполняется адреналином.

Держи себя в руках! Слушай!

Шаги легкие. Как будто крадется Охотница.

Я медленно поворачиваю голову. Никого. Облака густо устилают небо, и даже отблеска луны не видно здесь, в глубине леса.

Снова шаги. Снова адреналин.

Черт! Это уже не адреналин – это зверь у меня внутри.

И тут я вижу ее. Это косуля. Она боится.

Животный адреналин разрывает меня на части, зверь рвется наружу.

Спокойно! Спокойно! Дыши медленно. Считай вдохи и выдохи.

Глубокий медленный вдох и такой же выдох.

Два вдоха – пауза – медленный выдох.

Три частых вдоха – я чувствую, как кровь в моих жилах превращается в пламя, – один глубокий выдох.

Четыре мелких вдоха, я борюсь со зверем, с тем, что заставляет меня превращаться в него.

Косуля поворачивается и тут же скрывается в чаще леса. Но я человек, я по-прежнему сижу на дереве, и косуля жива. Я могу контролировать свой Дар. Могу остановить его, по крайней мере. И, раз я могу ему запрещать, то, может быть, когда-нибудь научусь и разрешать.

Я широко улыбаюсь. Впервые за много недель я чувствую настоящий позитив.

Сегодня я держался молодцом, придерживался списков, далеко в негатив не забредал. Можно и побаловать себя приятными мыслями, теми, которые я приберегаю для особых случаев. Мои самые любимые мысли – об Анне-Лизе. И вот что я вспоминаю...

Я и Анна-Лиза

Мы вдвоем сидим на плите из песчаника, наши ноги свешиваются с края. Анне-Лизе пятнадцать, мне еще четырнадцать. Мое колено совсем рядом с ее коленом, но они не соприкасаются. Стоит поздняя осень. Мы уже два месяца встречаемся здесь каждую неделю. За все это время мы лишь раз коснулись друг друга, во вторую нашу встречу. Я взял ее руку и поцеловал. До сих пор не могу поверить, что я это сделал. Наверное, я был тогда слегка не в себе. Теперь я только об этом и думаю, то есть я на самом деле думаю только о том, как это было, но повторить такое я не в силах. Анна-Лиза и я разговариваем, карабкаемся на камни, бегаем друг за другом, но даже гоняясь за ней, я никогда ее не ловлю. Подбираюсь совсем близко, но не ловлю. И себя поймать не позволяю.

Она болтает ногами. Ее серая школьная юбка аккуратно отглажена, на ней ни пятнышка. Ноги у нее гладкие, чуть загорелые, выше колен покрыты тонким светлым пушком. Моя нога в миллиметре от ее ноги, но я знаю, что ни за что не смогу его преодолеть. И я заставляю себя повернуть голову и посмотреть в другую сторону.

Под нами крутой обрыв, довольно высокий, но прыгнуть все-таки можно – внизу песок. День ветреный, но там, где мы сидим, это не чувствуется. Деревья качают макушками и шелестят, словно говорят друг с другом, сплетничают, с них небольшими стайками срываются листья. Вдруг одну стайку подносит прямо к нам; Анна-Лиза еще не успевает пошевелиться, а я уже знаю, что сейчас она попытается поймать лист. Она вскидывает руку, вытягивает ее и сама вытягивается над обрывом. Она вытянулась слишком далеко, но с ней ничего не случится, даже если она потеряет равновесие, и хотя мне, наверное, следовало бы обхватить ее, чтобы не дать ей упасть, но я не двигаюсь. Она смеется, вытягивается еще дальше и все-таки ловит лист, но тут же хватается другой рукой за рукав моей рубашки, а я все не прикасаюсь к ней. Тяну на себя руку, чтобы она не упала, но ее не трогаю.

Лист у нее. Коричневый березовый треугольничек. Она держит его за стебелек и вертит им у меня перед носом.

– Поймала! Но не благодаря тебе. Я чуть не свалилась.

– Я знал, что ты будешь в порядке.

– Неужели? – И она проводит листком по моему носу, ее пальцы скользят в миллиметре от моих губ. Я отодвигаю голову немного назад.

– Держи, это тебе. На, возьми.

Я говорю:

– Обычный лист. Таких кругом много.

– Протяни руку. Этот листок особый. Я поймала его сама, рискуя собой, специально для тебя.

– Тогда это действительно совсем особенный лист, – говорю я и протягиваю руку.

Она роняет листок мне в ладонь.

– А ты когда-нибудь говоришь «спасибо»?

Я не знаю. Никогда об этом не задумывался.

– И никогда меня не касаешься.

Я пожимаю плечом. Не могу же я сказать ей, что считаю разделяющие нас миллиметры. Вместо этого я говорю:

– Я сохраню этот лист. – Отталкиваюсь от камня и прыгаю вниз, на песок.

Вот я уже у подножия скалы и не знаю, что делать дальше. Я надеялся, что она прыгнет вместе со мной. Я поднимаю голову и говорю:

– Можно, мы поговорим о чем-нибудь другом?

– Если ты вернешься сюда и вежливо попросишь, то можно.

Я карабкаюсь по утесу наверх со всей скоростью, на какую способен – выделяюсь, – но у самой вершины останавливаюсь. На том самом месте, где я обычно переваливаю через край, сидит она. Загораживает проход. Есть другой путь, он сложнее, и я опускаюсь на пару шагов вниз, а потом поднимаюсь в другом месте, но она уже передвинулась туда и снова сидит у меня на пути.

– Привет, – говорит она и с улыбкой наклоняется ко мне.

У меня остается лишь один способ забраться наверх – перелезть прямо через Анну-Лизу.

– Прошу прощения, – говорю я. – Не могли бы вы немного подвинуться?

Она мотает головой.

– А если я скажу «пожалуйста»?

Она снова мотает головой, широко улыбаясь.

– Для мерзавца половинного кода ты не такой уж и мерзавец.

– Пожалуйста, Анна-Лиза. – Мне неудобно держаться: пальцы рук затекли, ботинки вот-вот соскользнут с утеса. Долго я здесь провисеть не смогу.

– Не понимаю, за что тебя выгнали из школы. Ты же такой паинька. – Она говорит это учительским голосом.

– Ничего я не паинька.

Она снова наклоняется ко мне, усмехаясь.

– Докажи.

Я должен буду либо перелезть через нее, либо спрыгнуть вниз, причем совсем скоро, мои ноги уже начинают дрожать от напряжения. Думаю, я смогу перелезть через нее, если упрусь рукой в землю справа от ее коленей, но тогда мне надо будет как-то перевалить через сами колени, и...

– Жду не дождусь, когда я смогу рассказать моим братьям, какой ты, оказывается, трусишка, – продолжает дразнить меня она. Я смотрю ей прямо в лицо, и хотя я знаю, что она шутит, сама мысль о том, что она вообще может о чем-то говорить с этими придурками, сводит меня с ума. Улыбка в секунду сходит с ее лица. Я отпускаю камень, на котором вишу, поворачиваюсь в воздухе и падаю на землю. Меня трясет, когда я встаю на ноги, а она кричит мне сверху:

– Натан! Прости! Я не должна была... – И она опускается рядом со мной на землю, также легко и грациозно, как всегда. – Зря я это сказала. Глупо.

– Если они только узнают, что мы встречаемся. Если...

– Ты же знаешь, что я ничего никому не скажу. Просто я глупо пошутила.

Я понимаю, что реагирую слишком сильно и порчу нам встречу, поэтому, ковыряя носком ботинка песок, я говорю:

– Знаю. – Потом я улыбаюсь ей и возвращаюсь к шутливому тону. – Только не говори никому, что я на самом деле слабак, ладно? А я никому не скажу, какая ты хулиганка.

– Я хулиганка?! – Она снова широко ухмыляется и тоже начинает скрестить землю туфлей. Каблуком она проводит в песке длинную линию и говорит: – На шкале от хулиганки вот здесь... – она делает отметину на одном конце, – до милой, воспитанной, робкой девочки вот здесь... – и она переходит к другому концу, втыкает там каблук в землю и поворачивается ко мне, – где я, по-твоему, нахожусь?

Бормоча:

– Анна-Лиза, Анна-Лиза, Анна-Лиза, – я прохожу вдоль черты сначала в одну сторону, потом в другую. Не дойдя до робкого конца примерно на три четверти, я останавливаюсь и пачусь назад, останавливаюсь и снова пачусь, и так до тех пор, пока до хулиганки не остается всего одна десятая пути.

– Ха! – говорит она.

– Ты для меня слишком плохая.

– Большинство моих школьных друзей поставили бы меня сюда! – рывкает она и прыгает куда-то рядом с робким концом.

– Все твои школьные друзья – фейны, – говорю я.

– Ну и что, зато они способны отличить хорошую девочку от хулиганки.

– А куда бы они поставили меня?

Я отхожу с дороги, когда Анна-Лиза, шаркая по земле ногами, пятится к тому концу прямо туда, где стоял я, – почти к самому хулиганистому краю.

– А твои братья? Куда бы меня поставили они?

Она немного мешкает, потом уверенно шагает мимо хулиганистого конца, доходит до самого утеса и там останавливается. Она говорит:

– Фейны в школе тебя боялись, потому что ты мог побить кого угодно. У тебя была плохая репутация, но они почти каждый день видели тебя в классе и знали, что если к тебе не лезть, то ты никого не тронешь.

– Но твои братцы до этого не додумались. Не лезть ко мне, я имею в виду.

– Не додумались. Но они тоже тебя боялись.

– Они избили меня до полусмерти! Бросили одного, без сознания.

– А сначала ты их избил! Но дело не только в этом. – Помедлив немного, она продолжает: – Дело в том, кто ты. Точнее, кто твой отец. Причина в Маркусе. Его бояться. Его все боятся.

Она, конечно, права, но я-то тут при чем: можно подумать, он в любую минуту появится и накомтыляет кому-нибудь за меня по шее.

И тут она спрашивает:

– А ты его боишься?

Я не знаю: он же мой отец. Он опасен, он убийца, но он все-таки мой отец. И я хочу с ним встретиться. Я не хотел бы, если бы боялся. И я говорю:

– Анна-Лиза, тебе я верю больше, чем кому-либо другому, и все же, если Совет узнает что-нибудь о моих чувствах к нему, и вообще что-нибудь... Я просто не могу говорить о нем. Ты же знаешь.

– Извини, зря я спросила.

– Но я могу сказать, кого я боюсь: Совета. И твоих братьев. Если... – Но я не хочу продолжать. Мы оба знаем – если они узнают о наших встречах, нам обоим грозит большая беда.

Анна-Лиза говорит:

– Знаю. Такой паршивой семейки, как моя, еще поискать.

– Ну, моя не намного лучше.

– Намного. У тебя есть Арран и Дебора. Они хорошие люди. А у нас хороших людей нет. Ну, Коннор еще ничего, когда он один, без Лайама или...

– Ты хорошая, – говорю я.

Она улыбается, а я вдруг соображаю, как ей, должно быть, грустно и одиноко и как повезло мне, что у меня есть Арран, и Дебора, и бабушка. И, без всякой задней мысли, я вдруг беру ее за руку и чувствую в своей ладони ее ладонь. Я снова касаюсь ее! Я немного удивлен, но это случилось, и я не хочу раздумывать об этом слишком долго. Наши руки почти одинакового размера: моя чуть шире, а у нее пальцы длиннее и тоньше. Кожа на ее руке мягкая и такого цвета, какого бывает кожа, а не грязь.

– Почему у тебя всегда такие чистые руки? – Я поворачиваю ее ладонь из стороны в сторону, осматриваю ее. – Я весь в красной пыли, а на тебе и на твоих ладонях ни пятнышка.

– Я же девочка. А мы, девочки, славимся своими способностями в таких областях, о которых мальчики даже мечтать не смеют. – Ее голос дрожит, рука едва касается моей.

Мне становится страшно, но останавливаться я не намерен. Кончиком пальца я обвожу в воздухе ее ладонь, палец за пальцем, а она держит ее, не опускает. Большой палец, ложбинка между ним и указательным, указательный, опять ложбинка, палец, ложбинка, палец, опять ложбинка, и вот, наконец, мизинец, а потом и запястье.

Она говорит:

– Я всегда удивляюсь тому, какой ты нежный. Это так не похоже на хулигана, каким тебя считают.

Мне хочется сказать что-нибудь в ответ, но в голову не приходит ничего путного.

– Ты опять притих, – говорит она.

– Что в этом плохого?

– Ничего, наверное. Тебе даже идет. – И она начинает пальцем обводить мою ладонь, как я обводил ее. – Просто иногда мне хочется знать, о чем ты думаешь. – Ее палец продолжает скользить вдоль края моей ладони. – О чем ты думаешь?

Я думаю о том, что мне нравится то, что она сейчас делает. Мне приятно. Сказать ей об этом? Не знаю. Я говорю:

– Я... ты...

Она смотрит на меня, наклонив голову набок.

– Ну вот, теперь ты прячешь лицо, – жалуется она. – Ты что, краснеешь?

– Нет!

Она берет меня пальцем за край подбородка и поворачивает мою голову к себе.

Мне становится немного жарко, но я бы не сказал, что я краснею.

Она говорит:

– Какой ты милый.

Милый!

Я отвечаю:

– А я всегда думал, что я мерзавец.

Она хихикает и встает на ноги.

– Ты милый, и ты медленно бегаешь. Ты никогда меня не догонишь.

И она убегает, а я догоняю, и в тот день я впервые ее ловлю.

Темнеет

Время, наверное, уже за полночь. Вот и еще один день прошел. День, полный позитивных мыслей. День, когда я снова думал об Анне-Лизе, но ни на шаг не приблизился к тому, чтобы ей помочь. День, проведенный на дереве в ожидании Габриэля, который так и не пришел. Надо бы попытаться заснуть, но я не чувствую усталости. Я редко устаю по ночам. Даже наоборот, я как будто становлюсь еще живее, хотя и Чернее тоже.

Можно придумать еще какой-нибудь список или повторить то, чему учила меня Селия: как убивать ножом, как убивать голыми руками. Это весело. А можно заняться фактами. Например, из жизни мои семьи. Просто сидеть и перебирать имена: Харроу, Титус, Гонт, Дариус, Лео, Кастор, Максимилиан, Массимо, Аксель, Маркус, Натан. Харроу, Титус, Гонт, Дариус...

Да, списочек не из веселых, и депрессивные мысли мне сейчас противопоказаны, но ведь не моя вина в том, что всех моих родственников убили Охотники или замучил до смерти Совет. Хотя вот Маркус до сих пор жив, по крайней мере, насколько мне известно, он цел и невредим и живет неизвестно где. И он был рядом со мной, он спас мне жизнь, он провел для меня церемонию Дарения, но потом снова ушел и бросил меня одного, как всегда.

«Ты и сам неплохо справляешься», – сказал он мне на прощание. Классическая отговорка!

Нельзя думать о плохом. Надо оставаться в пози-черт-его-возьми-тиве.

Черт, до чего же мне погано.

Надо еще потренировать память. Например, вспомнить все Дары, которые украл мой отец, по одному на каждое съеденное им человеческое сердце. Подумать только, он, этот убийца, этот ПСИХОПАТ, сидел напротив меня, говорил со мной, дал мне три подарка. И я не могу его ненавидеть, я его даже не боюсь. Он... он внушает мне трепет. Это ведь позитивное чувство – восхищение собственным отцом? Отцом-психом. Психопат он или нет? Не знаю. Я не знаю, как определить психопата. Не знаю, сколько людей надо съесть, прежде чем тебя официально признают психом.

Я снова грызу ногти, хотя они и так обкусаны почти до мяса.

Вот он я, сижу на дереве и грызу ногти – Натан, сын Маркуса, парень, который должен был убить своего отца, который пытался доказать, что не навредит ему, вернув ему нож Фэйрборн, но все испортил, потеряв этот самый нож. Еще я знаю, что в схватке с Маркусом не протяну и секунды, хотя другие считают, что я могу его убить; все хотят, чтобы я пошел и убил своего отца. Мне удалось сбежать от Уолленда и тех Белых Ведьм, которые особенно хотели, чтобы я это сделал, и добраться до Меркури, и что же? Оказалась, она тоже хочет, чтобы я его убил.

Черт! Надо переключиться на что-нибудь позитивное.

Например, на Анну-Лизу. Я часто думал о ней, пока сидел в клетке. Представлял ее себе, воображал, как я трогаю ее, как мы занимаемся сексом и все такое. Хотя у меня никогда ни с кем не было не то что секса, вообще ничего похожего. А за руку я в последний раз держал ее, когда мы сидели на крыше коттеджа Меркури, и все пошло наперекосяк: задул сильный ветер, потащил Анну-Лизу вниз, к Меркури, а меня пригвоздил к крыше. Я помню, как Анна-Лиза лежала внизу, на траве, и ее грудь часто поднималась и опускалась, как будто ей не хватало воздуха, а потом был последний вздох, медленный и такой тяжелый, что больно было смотреть. Вспоминать о нем и то больно.

Кстати, о боли и ненависти – на эту тему тоже можно составить неплохой список. Первой в нем будет, конечно, моя сестричка, милая Джессика. Она ненавидела меня

лютой ненавистью с тех пор, как я родился, и я платил ей тем же. Потом ее дружок, Клей, вожак Охотников, жестокий и заносчивый болван. Как его не ненавидеть? И еще один скот, Киеран О'Брайен, старший брат Анны-Лизы, который раньше был номером один в моем списке, а теперь едва удерживает в нем третье место. Номер два в нем прочно занимает Сол О'Брайен, член Совета. Он говорил мне, что сам хочет дать мне три подарка, что, по-моему, еще большее извращение, чем держать меня в клетке. Так что он тоже, наверное, психопат. Но психи идут отдельным списком, и нумеро уно в моем – мистер Уолленд. Белый Колдун, который трудился надо мной спокойно, как над подопытной крысой. Это он сделал мне татуировки, которые я ненавижу больше всего на свете.

Вот это позитив!

Зато в этом списке нет Селии. Я перестал ее ненавидеть, и это, наверное, хорошо. Ведь это же позитивно – не испытывать ненависти к тому, кто почти два года держал тебя в клетке? Наверняка. С другой стороны, может быть, это просто означает, что после клетки у меня мозги набекрень. Не знаю. Но Селии в этом списке нет.

И Меркури тоже. Меркури нельзя ненавидеть. С таким же успехом можно питать ненависть к погоде.

Меркури сказала, что освободит Анну-Лизу в обмен на голову моего отца или его сердце. Ни того, ни другого я ей не принесу. Значит, надо найти способ добраться до Меркури, освободить от чар Анну-Лизу и уйти вместе с ней. Это наверняка трудно и опасно, но у меня есть план, и это еще одна позитивная мысль. Вот только мой план – дерьмо, и никогда не сработает, а Меркури наверняка меня убьет.

Хотя как раз на этот счет можно не беспокоиться. В конце концов, все когда-нибудь умрут.

И вообще, сейчас мне хватает проблем и с текущим планом. Больше месяца я сижу здесь и пытаюсь придумать другой сценарий, в котором Габриэль не пришел сюда не потому, что он погиб или попал в плен к Охотникам, а потому, что лежит в громадной постели, читает книгу и ест круассан.

Если бы его схватили, его стали бы пытаться, и под пыткой он рассказал бы все. Обо мне, о себе, о Фэйрборне, об Анне-Лизе, и уж наверняка о том, где меня можно найти – в этой пещере, где мы с ним договорились встретиться. Если бы меня пытали, я бы наверняка сказал, значит, и он тоже. Ничего стыдного тут нет. Пытка, которую применяют к Черным Колдунам, раскалывает всякого, никто не в силах выносить ее целый месяц. И все же Охотники до сих пор не пришли за мной. Не пришел и Габриэль. Значит, он умер. Застрелен Охотниками в ту ночь, когда мы украли Фэйрборн. Погиб, спасая меня. А я тут, сижу на дереве и стараюсь мыслить позитивно.

Ох, и мерзкая штука – это позитивное мышление, если вдуматься.

Конец ожидания

Уже светает, когда я подхожу к коттеджу Меркури. Получив от отца три подарка, я убежал отсюда, но с тех пор бывал тут уже дважды – посмотреть, чем заняты Охотники. Последить за ними для разнообразия.

В первый раз я пришел сюда две недели назад, абсолютно уверенный в том, что никаких Охотников у меня на хвосте нет. Быструю я убил, остальные сами меня потеряли. Я считал, что они решили, что я больше здесь не появлюсь. В конце концов, проку для меня в этом никакого, а риск большой. По этой логике, коттедж должен был быть пуст. Как бы не так! Охотников оказалось целых двенадцать. Похоже, они решили превратить коттедж в базу для поисков Меркури. Где-то рядом с ним магический разрез в пространстве, которым она добиралась до своего настоящего дома. Таким же путем мы с Габриэлем добирались до коттеджа из квартиры в Женеве. Отец говорил мне, что Охотники нашли способ распознавать такие ходы, так что теперь либо Меркури уничтожила его, либо Охотники прошли по нему и убили ее. А если Меркури мертва, то я понятия не имею, что будет с Анной-Лизой. С другой стороны, я не верю, чтобы Меркури проявила беспечность, несообразительность или слабость. Наверняка она уничтожила проход и замела следы, так что эта долина превратилась в тупик и для Охотников, и для меня.

В тот первый раз, когда я вернулся в коттедж, там был Клей, он был в паршивом настроении и жутко орал. С ним была Джессика. У нее теперь длинный шрам ото лба через нос и всю щеку – след от пореза, который нанес ей я, точнее Фэйрборн в моих руках. Клея он, похоже, нисколько не смущал: он и Джессика, судя по всему, по-прежнему были вместе. Он прижал ее к себе одной рукой и поцеловал в кончик носа. Был момент, когда он подошел к самой кромке леса и встал, широко расставив ноги и уперев руки в бока. Он поднял голову и смотрел, казалось, прямо на меня. Я хорошо спрятался, так что он не мог меня видеть, но впечатление было такое, будто он ждал именно меня.

Неделю назад я снова был в коттедже. Охотников осталось только шесть: я ожидал найти там Клея, думал, он знает, что я вернусь, но его не было. Зато я имел удовольствие лицезреть Киерана. И атмосфера в коттедже в тот раз была совсем другой. Охотники загорали, болтали, занимались всякой ерундой. Прямо как в лагере отдыха каком-то, только это были Охотники, а они никогда не отдыхают. И все равно, вид у них был такой, словно они совершенно не ждали, что вот сейчас сами-знаете-чей-сын выйдет из-за ближайших кустов.

Я стал разглядывать Киерана: он был голым по пояс, его волосы выгорели на солнце, физиономия загорела до кирпичного оттенка, мощный торс бугрился мышцами. Он оказался почти таким же здоровяком, как Клей. Рядом с коттеджем Охотники устроили полосу препятствий из подвесных бревен, веревок, сеток и деревянных стенок. И Киеран, несмотря на свои размеры, всегда проходил ее раньше других, а потом издевался над ними за их медлительность. Когда дело доходило до борьбы, становилось ясно, что девушки – новички; спарринг-партнер Киерана был неплох; сам Киеран дрался отлично. И все же я думаю, что в честном поединке я бы с ним справился, но его Дар – умение становится невидимым – затрудняет все дело. Одна из девушек, похоже, могла поджигать предметы на расстоянии, другая умела метать молнии, но обе делали это довольно слабо. Что умели партнер Киерана и остальные девушки, я так и не понял.

В Охотники берут в основном женщин, но попадают и умелые мужчины-колдуны. Из них отбирают самых высоких и сильных, и мужчин ставят в пару с мужчинами, а женщин – с женщинами. До тех пор я считал, что Охотниками бывают только британцы, но тут я увидел двух девушек, которые явно были иностранками. Со всеми они говорили по-английски, но между собой и иногда с партнером Киерана общались, кажется, на французском.

Насколько я знаю, Совет Белых Ведьм в Европе никогда не занимался подготовкой Охотников и никогда не травил Черных так, как это принято в Британии. Габриэль говорил мне, что здесь Белые и Черные занимаются каждый своим делом и не обращают друг на друга внимания, а Охотников задействуют лишь тогда, когда надо выследить какую-нибудь особо опасную ведьму или колдуна, например моего отца. Значит, если Охотники задействуют в своих операциях местных Белых Ведьм, то они расширяют свое влияние.

Я следил за ними весь день. Знаю, что зря. Знаю, что лучше было вернуться в пещеру и ждать Габриэля, но я просто не мог оторваться. Я слушал, как Киеран орет на своего партнера, и вспоминал тот день, когда он и его братья поймали меня, пытали и издевались надо мной. То, что они сделали со мной тогда, теперь кажется мне еще ужаснее. Мне было всего четырнадцать, я был пацаном, мальчишкой. А Киерану был уже двадцать один год, и он втянул в это дело младших братьев: заставлял Коннора сыпать порошок мне на спину, смеялся над ним, издевался над их слабостью не меньше, чем над моей. И ведь он не просто оставил на моей спине шрамы, он меня заклеил: вырезал слева от позвоночника букву Ч, а справа – Б. Да, это мой половинный код, таков я – наполовину Черный, наполовину Белый, тем и другим одинаково чужой.

И вот я снова иду в коттедж, в третий раз. Теперь я подхожу к нему сверху, со стороны леса. Солнце еще не выбралось из-за горных пиков слева от меня, но уже светло. Не знаю, зачем я опять пришел сюда, но знаю, что ненадолго. Просто хочу в последний раз проверить, как тут дела.

Коттедж стоит на спуске в долину, посреди крутого склона, вжавшись в него так, что каменный бок горы служит ему четвертой стеной; сразу под ним начинается альпийский луг. Долина почти вся заросла лесом, но серые пики и гребни гор поднимаются выше самых высоких елей, и даже летом на них кое-где виден снег. В верхней части долины он вообще не тает, там лежит ледник, а из-под него течет речка. От коттеджа ее не видно, зато хорошо слышно: неумолчный рев воды заполняет всю долину.

Мягкими шагами я спускаюсь к опушке леса. Кругом все тихо, только в голове у меня жужжит: это от их мобильных. Правда, жужжит тихонько. Значит, телефонов немного. Не шесть. Скорее, два. И оба в коттедже. Похоже, они все же решили, что Меркури здесь больше не появится, а я не так туп, чтобы прийти сюда еще раз. Ну и зря. Вот он я, снова тут как тут.

Уже совсем светло.

Мне правда надо идти.

Но я не могу больше сидеть в пещере и ждать Габриэля, зная, что он мертв. С другой стороны, мне так хочется его увидеть, и я обещал, что буду ждать, и он обещал, и я знаю, что он ждал бы меня не один месяц, если бы пришлось...

И тут задвижка на двери коттеджа с грохотом отъезжает, и появляется Охотник.

Я сразу узнаю его.

Киеран обходит вокруг коттеджа, потягиваясь и зевая, потом вдруг начинает вращать головой на толстой шее так, словно ему предстоит боксерский поединок. Подходит к куче дров, выбирает кусок ствола, ставит его торцом вверх на пень, который служит колодой для рубки. Берет топор и занимает позицию. У дерева нет шансов.

Он стоит ко мне спиной. Я легко могу к нему подобраться. Мой нож уже скользит из своих ножен.

Киеран останавливается. Нагибается, собирает дрова в охапку и идет с ними к стене коттеджа, где складывает их в поленницу. Мимо него, совсем близко, пролетает небольшая птичка. Трясогузка. Садится на землю у коттеджа. Киеран смотрит на нее пару секунд, потом скидывает топор на плечо и выбирает новый чурбак. И все начинается сначала.

Нож все еще у меня в руках. Я могу убить его прямо сейчас. Через десять секунд он будет мертв.

И я хочу этого, я знаю. Но я еще никогда никого не убивал вот так, со спины, имея все шансы скрыться. И потом, если я убью его сейчас, то мне точно придется бежать из этой долины. И если Габриэль все же вернется к пещере, то там будет полно Охотников, которые придут за мной. Но я знаю, что Габриэль мертв; просто я не хочу в это верить. Охотники наверняка убили его: моего лучшего друга, самого честного, самого правдивого и тонкого из людей, Габриэля. А здесь, прямо передо мной, как ни в чем не бывало, рубит дрова самый жестокий и отвратительный из людей, Киеран, живой и невредимый. Киеран заслуживает смерти. Без Киерана мир станет лучше.

Киеран замахивается топором, и я начинаю спускаться к нему. Я могу убить его раньше, чем он успеет что-нибудь сообразить. Он уязвим: если я буду двигаться быстро, топор ему не поможет, мой нож войдет ему прямо в шею.

И я хочу, чтобы он умер.

И все же, все же...

Я не могу убить его вот так. Я хочу убить его, но не так, как мне пришлось бы сделать это сейчас: быстро и милосердно. Я хочу убить его так, чтобы он знал, кто его убивает, видел мои глаза в тот миг, когда я буду отнимать у него жизнь, и с ней все, что у него есть.

А может, я просто придумываю себе оправдания? Может, я сомневаюсь?

И еще я не чувствую прилива адреналина, зверь во мне спит, словно это его не касается.

Снова лязгает задвижка на двери коттеджа. Черт! А я стою на самом виду у Охотника, который как раз выходит из дома на травку. Но он скребет в затылке, еще не проснувшись, и смотрит себе под ноги.

Я быстро отступаю. Затаив дыхание, несусь по холму вверх, туда, где деревья растут плотнее, и только там останавливаюсь, чтобы послушать.

Топор все еще стучит.

Но вот стук прекращается, и я слышу голоса: сначала напарника Киерана, потом самого Киерана, но о чем они говорят, я разобрать не могу.

Тишина.

И снова стук топора.

Меня не заметили.

Я убегая.

Парень, ты не мертвый?

Я хочу уйти из этой долины. Уйти и никогда больше не возвращаться. Мне надо найти Меркури и придумать новый план, как помочь Анне-Лизе, план без Габриэля. Но сначала мне нужно вернуться в пещеру. Я думаю оставить там что-нибудь на случай, если чудо все же произойдет и Габриэль когда-нибудь туда доберется.

По дороге я останавливаюсь и присаживаюсь на землю с куском дерева, который начинаю строгать ножом. Я хочу сделать из него маленький деревянный нож боуи, такой, как тот, которым я его режу. Пусть лежит в пещере, в том дальнем углу, где Габриэль зарыл когда-то свою жестянку с письмами, а я уйду и больше не вернусь.

Вырезая, я вспоминаю, как получил этот нож в подарок от Габриэля...

Мы уже два дня живем в коттедже Меркури. Ее саму я видел всего раз, в день прибытия, с тех пор она не появлялась и не сказала со мной ни слова, так что я не знаю, поможет она мне с Дарением или нет, и все время дергаюсь. Мы с Габриэлем много гуляем и купаемся. В тот день мы выходим из коттеджа еще до рассвета и сразу пускаемся бегом. Габриэль впереди, я за ним. Даже в теле фейна он бежит очень быстро. У него длинные ноги: каждый его шаг на треть длиннее моего. Мы взбираемся по крутой стене каменной горловины, и я справляюсь неплохо. Я повторяю все его движения, пользуюсь теми же опорами, что и он, и у меня с каждым разом получается все лучше, но он делает это без усилий.

Взобравшись на небольшую вершину, он останавливается и смотрит на меня. Синяк вокруг глаза у него прошел, порез под левой бровью заживает, но, думаю, шрам останется – памятка о том, как я набросился на него в той квартире в Женеве. А ведь я мог и глаз ему выбить.

Он протягивает мне руку, я хватаюсь за нее, и он втаскивает меня наверх. Там совсем мало места, и мы стоим почти вплотную друг к другу.

Дальние вершины все в снеговых шапках. Здесь холодно, но мне жарко.

– Ты запыхался, – говорит Габриэль.

– Мы же высоко. Здесь воздух разреженный.

– Для меня вроде ничего, нормальный.

Я толкаю его плечом.

– Не начинай того, чего не сможешь кончить, – отвечает он и тоже подталкивает меня.

За моей спиной отвесная стена и обрыв, оканчивающийся острыми камнями, а у Габриэля – короткий склон и мягкая травяная полянка. Я толкаю его, несильно, и хватаю за рукав куртки, чтобы он не упал.

Но он вырывает у меня руку и сильным движением ладоней толкает меня назад. Я хватаю его за оба рукава и, ругаясь, на чем свет стоит, удерживаю равновесие. Он ухмыляется, как больной, и мы еще немного толкаемся и пихаемся, с каждым разом все сильнее и сильнее, пока я обеими руками не толкаю его в плечи так сильно, что он начинает заваливаться назад, его руки тянутся ко мне, а лицо серьезно и даже встревоженно. Я хватаю его, но подаюсь слишком далеко вперед и, потеряв равновесие, лечу за ним. В воздухе я успеваю притянуть его к себе и извернуться так, что я падаю на спину, а он – на меня.

– Ай-й!

Я лежу на полянке, но в траве оказались мелкие плоские камни, они-то и воткнулись мне в спину.

Габриэль, хохоча, скатывается с меня на землю.

Я ругаюсь на него.

– Кажется, я ребро сломал.

– Поной, поной. Вечно вы, англичане, ноете.

– Я не жалею, а констатирую факт. Если я могу исцелиться, это еще не значит, что мне не больно!

– Вот не знал, что ты такой неженка.

– Я? Неженка?

– Ага. – Теперь он сидит рядом со мной на коленях и тычет меня в грудь пальцем. – Неженка!

Я уже заживил свое ребро и теперь хватаю его за руку, выворачиваю ее и бросаю его на землю, а сам усаживаюсь на него.

Я тычу его в грудь пальцем.

– Я не неженка.

– Неженка, но это не страшно. За это я тебя и люблю.

Я снова ругаю его последними словами и встаю. Протягиваю ему руку, он берет ее, я помогаю ему подняться.

Мы снова спускаемся с горы в лес, переходим ручей и поднимаемся по другому склону, заросшему деревьями и такому крутому, что местами приходится хвататься за камни и корни, чтобы удержать равновесие. Деревья, растущие на склоне, высокие и толстые, каждое у самой земли поворачивает вверх под таким углом, что его ствол делается похожим на хоккейную клюшку. Мы пробираемся через заросли и оказываемся на языке недлинной каменистой осыпи у раскрытого рта пещеры. Она не глубокая, но широкая – всего четыре или пять метров в длину и примерно столько же в ширину, так что, наверное, я мог бы спать здесь по ночам, и меня бы не тошнило.

В пещере стоит обычный лесной запах: жизни и тления вперемешку.

Габриэль говорит:

– Я подумал, если что-нибудь случится... ну, пойдет не так... мы здесь встретимся.

– А что, по-твоему, должно случиться?

– Я не знаю, но на тебя идет охота; а Меркури опасна и непредсказуема. – Он колеблется, потом добавляет: – Да и ты тоже.

Он, конечно, прав.

Он вынимает из своего рюкзака жестянку и говорит:

– Оставлю здесь мои вещи. – Он говорил мне, что лежит в жестянке: любовные письма его отца к его матери, а также то, чем Габриэль собирался заплатить Меркури, если она найдет способ превратить его из фейна в колдуна. Но что это такое, я не знаю. И не спрашиваю. Захочет – сам скажет. Он кладет коробку в угол пещеры, а потом выуживает из рюкзака что-то еще.

И протягивает это что-то мне.

– Это тебе, держи... Я подумал, тебе понравится.

Я не знаю, что делать, что сказать.

Он говорит:

– Возьми. Это подарок.

Судя по тому, какой у Габриэля необычный голос, как он запинается, как едва заметно дрожит его рука, он хочет, чтобы подарок мне понравился. И я хочу, чтобы он мне понравился, ради него.

Пакет у меня в руках длинный и плоский. Судя по весу, это могла быть книга, но я знаю, что это не так – обрадоваться такому подарку мне было бы слишком трудно. Предмет завернут в магазинный пакет, светло-зеленый с буквами, он сложен у горловины и слегка помялся в рюкзаке. Бумага плотная, гладкая.

Я сажусь на корточки и аккуратно приподнимаю край пакета. Внутри оберточная бумага, белая, во много слоев, новая, совсем не мятая. Я осторожно вытягиваю сверток

из пакета, тот падает на землю. Вернее, медленно, как осенний листок, опускается на пол пещеры. Все в этот миг кажется мне особым. Подарок тяжело лежит у меня в ладони, в нем чувствуется сбалансированность и прочность.

– Когда ты в последний раз получал подарки? – спрашивает Габриэль и нервно посмеивается.

Не знаю. Давным-давно.

Я кладу сверток перед собой на выстланное сосновыми иголками дно пещеры, и он лежит на нем, ярко-белый на коричневом и зеленом.

Я снимаю бумагу, очень осторожно.

Так медленно, как только могу.

Так нежно, как только умею.

Еще один слой.

– После такой подготовки лучше бы он тебе понравился.

Мне уже нравится. И я жду, наслаждаясь мгновением – белой бумагой, почти раскрытым подарком.

Кончиками пальцев я приподнимаю последний слой. Под ним лежит нож, черный на белом. Рукоятка из отличной черной кожи. Лезвие в толстых кожаных ножнах. И пряжка, чтобы надевать на пояс. Рукоять удобно ложится мне в ладонь – не слишком велика, но и не мала. Нож не тяжелый и не слишком легкий. Лезвие с легкостью выходит из своего защитного чехла. Это нож боуи, с характерным изгибом клинка. Металлическая поверхность собирает рассеянный в пещере свет и посылает далеко в лес солнечного зайчика.

Я смотрю на Габриэля. Он пробует улыбнуться.

– Мне нравится.

Я так и не попросил у него прощения за глаз.

Я закончил вырезать деревянный нож. Мне бы очень хотелось, чтобы Габриэль увидел его, но я знаю, что этого не случится. Я встаю и поворачиваюсь назад, к коттеджу, и мне хочется кричать и выть, до того все это несправедливо. Никогда у меня не было такого друга, как Габриэль, а они взяли и отняли его у меня, как отнимают все, и я хочу убить за это Киерана и остальных. Но я знаю, что убей я их сейчас, Охотники снова возьмут мой след и, может быть, поймают меня, и тогда я не смогу помочь Анне-Лизе. Значит, ради нее придется соблюдать осторожность.

Я возвращаюсь в пещеру.

Уже темно, и я почти пришел, как вдруг, идя вдоль холма, я вижу небольшое пламя. Костерок.

Неужели...?

Я замираю. Потомдвигаюсь вперед. Медленно. Бесшумно. Скрываясь в тени деревьев.

Огонь горит у входа в пещеру. Красные угли окружены кольцом из камней, на одном стоит кофейник.

Но кто же развел здесь огонь? Ведь не Габриэль, правда? Может, туристы? Неужели Охотники? Да нет, они не стали бы разводить костер, тем более затем, чтобы сварить кофе. Да и в голове у меня не звенит, мобильных телефонов поблизости нет. Значит, не фейны. Но, скорее всего, и не Охотники.

Неужели все-таки Габриэль?

Он любит кофе.

В пещере что-то движется. На пороге возникает темный мужской силуэт.

Габриэль?

Но нет, этот ниже и шире в плечах.

Но и не Охотник. Звона в голове нет, и потом их было бы два – или двадцать два...

Черт! Кто же это?

Мужчина проходит мимо костра. Он смотрит в мою сторону. Темно. Я стою за деревьями. Он не может меня видеть.

– Черт меня побери, парень, – говорит он. Судя по акценту, австралиец.

Я снова думаю, что их двое и что он обращается к напарнику в пещере.

Но он продолжает медленно приближаться... Нерешительно, но все же идет, прямо на меня.

Я застываю на месте и перестаю дышать.

Он делает еще шаг. Потом еще один. И смотрит на меня. Нас разделяют всего четыре или пять метров, огонь, горящий у него за спиной, превращает его в черный силуэт. Я не вижу его лица, но точно знаю, что он не Габриэль.

– Адская кровь, – говорит он. – Я думал, ты мертвый.

Он определенно говорит со мной. Наверное, он видит в темноте. Я не двигаюсь, только смотрю на него в упор.

Тогда он нервно спрашивает:

– Эй, парень, ты не мертвый?

Несбит

Мой нож давно у меня в руке, и я, сделав к мужчине шаг, хватаю его за куртку, пользуясь инерцией движения, толкаю его на землю и тут же придавливаю ему коленом грудь, а нож приставляю к горлу.

– Ладно, парень, хватит, – говорит он. Судя по голосу, он скорее раздражен, чем напуган.

– Заткнись! – командую ему я.

Мой клинок давит ему на шею плоской стороной, так что не порежет. Я быстро оглядываюсь кругом, убеждаясь, что у него нет напарника. Кажется, нет, но, может быть, есть друг. Никого не видно, только темные силуэты деревьев, костерок да кофейник рядом с ним.

– Что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

– Вряд ли ты согласишься, если я скажу, что просто люблю проводить время на открытом воздухе?

– Вряд ли ты будешь возражать, если я вырежу тебе язык за то, что ты мне врешь?

– Надо же, какой ты обидчивый, парень. Уж и пошутить нельзя.

Я нажимаю ему ножом на горло так, что выступают крошечные капельки крови.

– Думаю, что смогу вырезать его и так.

– Несбит, меня зовут Несбит. А тебя Натан, верно?

Я не знаю, стоит ли подтверждать эту информацию, но потом, решив, что положительный ответ ничего не изменит, говорю:

– И что ты здесь делаешь, Несбит?

– Прибыл по приказанию босса.

– Зачем?

– Чтобы выполнить одно поручение.

– И это поручение...?

– Личного характера.

– Поручение личного характера, которое ты не исполнишь, потому что сейчас окажешься без языка и с кишками наизнанку...

Одним рывком он переворачивается на бок, стряхивает мою руку и хватает меня. Он крупнее, тяжелее и сильнее, чем я, но я все равно вырываюсь, откатываюсь от него и вскакиваю на ноги. Он тоже уже стоит: он проворнее, чем кажется.

Он говорит:

– А ты шустрый.

– А ты был бы еще шустрее, если бы меньше ел.

Он делает гримасу.

– Для моего возраста и это неплохо. – Он хлопает себя по животу. – Да и ты не промах, для мертвого-то парня.

Я выпрямляю спину и прикидываюсь, будто расслабился.

– Кто тебе сказал, что я мертвый?

Он ухмыляется.

– Никто не говорил. Я сам видел.

– Ты? Видел меня мертвым? Во сне, что ли?

– Во сне! Как бы не так! А ты что, правда меня не помнишь? Хотя чувствовал ты себя тогда, конечно, неважно. Но ты меня видел, только... называл почему-то Розой...

– Что? Ты видел меня, когда я был ранен? Ты тоже был в этом лесу?

– Да, да, да. Шел за тобой от самой станции. Повезло мне в тот день. Я ехал... Неважно куда. – Он ухмыляется и подмигивает. – Вдруг вижу тебя, а за тобой – Охотницу. Она тебя

еще не заметила, но за этим дело не стало бы, если бы не я, – я отвлек ее и дал тебе уйти. К тому же ты оставлял след шириной в милю. По нему тебя нашел бы и младенец. Мне пришлось немало потрудиться, прибираясь после тебя. Но Охотницу мы все же потеряли, а потом я пошел за тобой в лес.

Я долго шел прямо за тобой, но потом лег ненадолго соснуть, проснулся, а ты уже улизнул. Еле нашел тебя в деревне, в магазинчике. Ты пытался прочесть газету, чтобы узнать, какой сегодня день. На тебя было жалко смотреть. До твоего дня рождения оставалось всего два дня. Ты что, и этого не помнишь?

Я трясую головой.

– Ну, я опять отвел тебя в лес, а сам все посматривал, следят за тобой или нет, что после магазина должно было случиться. Честно говоря, парень, не думал, что ты выкарабкаешься, – в тебе ведь охотничья пуля засела, так?

Я киваю.

– Да, так вот, пришлось мне снова подчистить твой след, а когда вернулся, гляжу: ты вроде как прооперировал себя – всюду кровинка и желтая такая дрянь... а сам ты лежишь, как мертвый. Ты был весь серый, серый и холодный, парень, веки приоткрыты, зенки закатились, только белки торчат, – короче, мертвый.

– Нож у тебя? Тот, которым я себя резал?

Он смотрит в сторону, потом вверх, как будто раздумывает.

– Нет.

– Но ты же его у меня взял.

– Не у тебя, он лежал рядом с телом, которое я посчитал мертвым, потому что у него был совсем неживой вид и полуоткрытые, закатившиеся глаза.

– Мне нужен тот нож.

– Конечно, нужен. Только, вот беда, у меня его больше нет. Извини, парень.

– Он у твоего босса?

Он пожимает плечами и кивает.

Роза погибла из-за этого ножа, и Габриэль, может быть, тоже, а он тут ухмыляется и пожимает плечами. Я пинаю его ногой в грудь. Он силен, но я застал его врасплох, вложив в удар весь свой вес, и мой нож снова оказывается у его горла. Тонкая струйка крови опять стекает по его шее.

– Нож у босса?

– Да.

– Кто твой босс?

– Убери нож, тогда скажу.

Но я давлю еще сильнее.

– Говори так. – Кровь течет уже по-настоящему. Он заживляется, но не быстро.

– Умеешь ты убеждать, парень. Моего босса зовут Виктория Ван Даль.

Мне кажется, что он и так назвал бы мне ее имя, просто чтобы произвести на меня впечатление.

– Виктория Ван Даль? – Никогда о такой не слышал. Наверное, она Черная Ведьма, раз ее друг помогал мне уйти от Охотницы. Я отнимаю нож от горла Несбита, аккуратно вытираю лезвие об его куртку. И говорю: – Я слышал это имя. Белая Ведьма, так?

– Белая? Ван? Парень, да брось. Честью клянусь, ты не на ту подумал. Она Черная Ведьма. Чернее не бывает. Большая поклонница твоего отца. И сама идеал многих Черных Ведьм и Колдунов.

– Тогда вернемся к первому вопросу. Зачем она тебя послала?

Он колеблется.

– Я все еще могу вырезать тебе язык.

– По-моему, ты не из тех парней, которые любят вырезать чужие языки.

– Верно, зато я из тех, кто открыт всему новому и не прочь попробовать, тем более что речь идет всего-навсего о языке какого-то Несбита.

И хотя я только шучу, лицо Несбита на глазах теряет всякую веселость.

– Я пришел кое-что забрать. Кое-какие письма.

Я встаю, и он тоже пытается встать, но я ногой возвращаю его на место.

Он говорит:

– Они, наверное, у тебя. – И он широко разводит руки и добавляет: – Вот и хорошо. Вот и славно. А теперь просто отдай их мне, а я передам их Ван.

– Даже если бы они у меня были, зачем мне их тебе отдавать?

– Ван будет в ярости, парень, если я не принесу их. И влетит мне, а не тебе. А это наверняка будет тебе неприятно, хотя ты и делаешь вид, будто тебе все равно. – Он поудобнее устраивается на земле и смотрит на меня снизу вверх. – Ведь влетит не только мне, но и твоему другу тоже.

– Какому другу? – Я снова пинаю его ногой, на этот раз покрепче.

– Ну, то есть я так думаю, что он твой друг, – говорит Несбит. – Симпатичный такой парнишка с длинными волосами. Француз. Имя какое-то девчачье.

Я смотрю на него и ничего не вижу. От страха и восторга меня начинает тошнить, но я не показываю виду.

– Габриэль, – говорит он, особенно напирая на «эль».

– Он жив?

Несбит ухмыляется и кивает:

– Может, дашь мне встать, чтобы удобнее было рассказывать?

И я понимаю, что все, что происходило между нами до сих пор, было для Несбита всего лишь забавой. Вроде спорта.

Киеран и партнер

Мы сидим у огня, Несбит заваривает свежий кофе и достает еду: хлеб, сыр, томаты, чипсы, яблоки и шоколад. Я гляжу на все это и облизываюсь. Я мог бы смести все это в считанные минуты, но я еще не настолько доверяю ему, и потому ничего не трогаю.

– Вид у тебя изголодавшийся, парень. Заправляйся.

Я молчу и не двигаюсь.

Он берет багет, отрывает от него хвостик, смачно впивается в него зубами, жует и потягивает мне остальное со словами:

– Не особо свежий, конечно, но лучше раздобыть не удалось.

Я стараюсь есть как можно медленнее. Несбит потягивает свой кофе и наблюдает за мной.

Я спрашиваю:

– Чего ты так на меня вылупился?

– Так ты же знаменитость, парень. Еще бы: сын самого Маркуса; наполовину Белый, наполовину Черный, уникам, в своем роде... а еще, честно говоря, у тебя глаза странные.

Я матерю его сначала за упоминание о Маркусе, затем о половинном коде и, наконец, о глазах.

– Эй, не надо злиться! Ты спросил, я ответил. Но, черт меня побери, парень, глаза у тебя и правда жуткие, особенно когда ты так делаешь.

Как? Ничего такого я не делаю, просто смотрю на него, и все. И я снова окатываю его крепким матом.

– Просто поверить не могу, чтобы тебе такого раньше не говорили.

Я вспоминаю, что мои глаза нравились Анне-Лизе, она говорила, что они ее завораживают, но вряд ли я смотрю на Несбита так же, как смотрел на нее.

При свете костра я вижу, что у него глаза тоже необычные: аквамариново-синие, с подвижными зелеными прожилками, точно течения под поверхностью моря. Такие глаза у Эллен. Она полукровка, наполовину фейн, наполовину ведьма, и, наверное, Несбит тоже.

Я спрашиваю его:

– Ты и сам наполовину кто-то. Полукровка?

– Горжусь половиной Черной крови.

– А второй половиной не гордишься?

Он пожимает плечами:

– Какой я есть, такой есть.

– Своей работой на Викторину Ван Даль ты тоже гордишься?

– Когда я называю Ван своим боссом, то это вроде шутки. Мы, скорее, партнеры.

– Да? И какая она?

– Особенная: талантливая и прекрасная. Прекрасные глаза, прекрасные волосы, прекрасная кожа. И вообще она вся прекрасна, с головы до ног. То есть я, конечно, всю ее не видел, – ну, ты понимаешь. У нас с ней чисто деловые отношения. И она никогда не носит ничего открытого. Как будто из другого времени вышла. Ну, знаешь, когда люди еще не стеснялись красивой одежды и гордились своим внешним видом.

Я смотрю на себя и развожу в стороны руки.

– Нет, ты точно не знаешь, о чем я, – говорит Несбит.

– Зато я знаю, что она воровка.

– Воровка?

– Она послала тебя украсть письма Габриэля, и у нее мой нож.

– Как я уже говорил, взять что-то с мертвого тела технически вовсе не кража.

– А что же это?

Несбит серьезно задумывается, пожимает плечами и говорит:

– В случае с тобой, парень, это была уборка территории. – Он ухмыляется. – Все равно, что собирать мусор.

– С письмами другое дело; они-то тебе не принадлежат.

– Ну, начнем с того, что я их не взял, потому что их тут нет. Они, как я догадываюсь, у тебя.

Я смотрю на него и не моргаю.

Он продолжает:

– Кроме того, это все равно не было бы кражей, потому что Габриэль сам сказал Ван, где они. И что она может взять их себе.

– Угу. С чего бы это вдруг?

– Он хочет отблагодарить Ван за помощь. – И Несбит смотрит на меня чистыми глазами, явно ожидая, когда я спрошу, что же такого сделала Ван. Приходится подчиниться.

– Какую помощь?

– Габриэлю было совсем плохо, когда мы его нашли. В него стреляли. Две пули, обе охотничьи. Ты сам знаешь, что это такое. Раны были несерьезные, пули прошли навывлет, но их магия все равно сделала свое дело. Он не приходил в себя неделю. Ван вынянчила его. Она отлично разбирается в снадобьях, другого такого специалиста, как она, просто нет. В общем, она его спасла. Ну, как я спас тебя и...

– Ты бросил меня медленно умирать от моей раны.

– Я замел твой след.

Я качаю головой.

– Чтобы тебя не поймали.

– Друг! Парень! Как ты можешь говорить такое?

Я закатываю глаза.

– Так где вы нашли Габриэля?

– Он хромал по задворкам какой-то улицы в Женеве. Кругом все кишело копами. И Охотниками. В общем, сплошной бардак. Ван гнала как сумасшедшая: на полном ходу подкатила к Габриэлю, мы схватили его, затащили в машину и были таковы.

– А теперь Габриэль в порядке?

– Здоров как бык.

– Тогда почему он не пришел за письмами сам?

– А. Ну, это уже вопрос доверия: просто мы не хотим, чтобы он сбежал от нас раньше, чем передаст товар.

– Я уверен, что если Ван правда спасла Габриэлю жизнь, как ты говоришь, то на его благодарность можно положиться.

Несбит снова улыбается мне и пожимает плечами.

– Ага, парень, верно. Мир, лубоф и все такое прочее. Только это не в характере Черных Ведьм – всегда поступать так, как положено. В особенности не в характере это у симпатичных французов, как я узнал.

– И где Габриэль сейчас?

– У Ван, под Женевой. Недалеко. На машине всего несколько часов.

– Значит, мы едем туда. Так случилось, что письма и правда у меня. Я сам отдам их Габриэлю, а он уже пусть делает с ними что хочет. – И я старательно смотрю на Несбита в упор.

Несбит вздрагивает, потом смеется:

– Что ж, неплохой план. Когда отправляемся: сейчас или завтра?

Надо подумать. Я уже давно толком не сплю; неплохо бы выспаться перед дорогой. Но спать в присутствии Несбита я не хочу. Я ему не доверяю. А еще я не доверяю зверю внутри меня.

– Завтра, – говорю я. – Мне надо еще кое-что сделать. Утром вернусь. – Хотя никаких дел, кроме как выспаться и поразмыслить, у меня нет.

Перед уходом я спрашиваю:

– Несбит, а у тебя есть Дар? – Он полукровка, но, как мне кажется, не простой.

– Я вижу в темноте. По-настоящему.

– Полезно.

– А ты? – спрашивает он. – Ты же шел к Меркури на свой день рождения. Похоже, твое Дарение состоялось. И как твой Дар, он тебя уже нашел?

– В детстве меня учили, что спрашивать колдуна или ведьму об их Даре невежливо.

– Ты же меня спросил. Что, забыл о хороших манерах?

Я отправляю его по известному адресу.

– Да, у Белых странные представления о вежливости. А ты во многом на них похож. Наполовину Белый, воспитанный ими...

Несбит наугад тыкает кнопки, ищет ту, с которой я завожусь. Каждое его слово – придирка, укол или насмешка.

– И все же? – спрашивает он. – Ты нашел свой Дар?

Я не отвечаю. Я слишком устал. Поворачиваюсь к нему спиной и ухожу. Я знаю, что я не похож ни на кого из известных мне Белых ведьм, хороших или плохих. Но и Несбит тоже не похож ни на кого из моих прежних знакомых.

Ночь стоит холодная. Сейчас конец июля, и хотя днем жарко, но мы высоко в горах, где на обращенных к северу склонах долин до сих пор местами лежит снег. Уходя от Несбита, я думаю над тем, что в его словах правда, а что нет.

Похоже, что Охотники подстрелили Габриэля, когда он уводил их подальше от меня. Он спас мне жизнь, рискнув для этого своей. А Ван Даль и Несбит спасли его, хотя я не понимаю зачем. Уж конечно, не только ради каких-то писем. И вообще, похоже, что Несбит и Ван Даль прибыли в Женеву в одно время с Охотниками. Может, меня искали? Может, они все же как-то связаны с Охотниками? Габриэль ведь говорил мне, что Охотники часто используют полукровок как стукачей. Откуда мне знать, может, этой Ван Даль не существует вовсе, а Несбита послали ко мне Охотники. Хотя зачем бы им это? Почему они просто не пришли сами?

А если Ван Даль все-таки существует, то что ей нужно на самом деле? Я? Или коробка с письмами Габриэля? Тогда в них должно быть что-то особенное – я всегда думал, что там рецепт какого-нибудь редкого снадобья или сложное заклинание. То, чем Габриэль собирался отплатить Меркури, если та вернет ему настоящий облик. Но Меркури почему-то не торопилась. А ведь если бы то, что у него там есть, было таким уж замечательным, разве не поспешила бы она прибрать это к рукам пораньше?

И, наконец, самый большой вопрос из всех: правда ли, что Габриэль жив? То, что это он рассказал им про пещеру, понятно, но мало ли, что с ним могло случиться потом?

У меня нет никаких способов выяснить, правда это или ложь. Всю свою жизнь я только и слышал про Черных, что им ни в чем нельзя доверять, на деле же они оказывались пока ничуть не коварнее остальных. Вот и сейчас мне остается только довериться Несбиту и поехать с ним к Габриэлю. Выбора у меня все равно нет.

Позитивная сторона того, что я от него слышал – а я теперь большой спец по позитивности, – в том, что у Ван Даль Фэйрборн. Мы столько вытерпели из-за этого ножа, когда

украли его у Клея, что я хочу получить его назад. И если мне когда-нибудь выпадет шанс вернуть его отцу, я это сделаю.

На крутом склоне холма я нахожу укрытие в корнях большой ели и сворачиваюсь там клубком. Делаю глубокий вдох, медленно выдыхаю. Надо поспать, отдохнуть. Завтра я увижу Габриэля.

Я просыпаюсь и вскакиваю. Еще темно. Не имею понятия, сколько я проспал. Наверное, несколько часов. Я прислушиваюсь, вглядываюсь в темные тени, движущиеся среди деревьев.

Ничего.

Я снова ложусь и закрываю глаза, но не сплю. Спать больше не хочется. Хочется увидеть Габриэля.

Я полностью одет, и я давно уже привык спать, продев руку в лямку моего рюкзака, так что мне надо только встать, и я готов в дорогу. Я отправляюсь на поиски Несбита, мне хочется поскорее найти его и поскорее пуститься прочь.

Лес тих и молчалив. В нем все спит, кроме меня. Но вот что-то меняется. Я останавливаюсь и слушаю.

Тишина.

Небо уже посветлело и теперь стало светло-голубым, почти белым. Я делаю остановку у ручейка. Вода в нем вкусная: я уже не раз пил из него раньше. Острые выступы камней покрывает мох, вода скорее сочится, чем бежит по ним, и мох под струйками влаги и вокруг них пушистый, светло-зеленый. Я прижимаю ладонь к камню и жду, пока она наполнится водой.

И тут я слышу это.

~~~~~

Это даже не треск. Не знаю почему, думая об этом звуке, я всегда называю его так. Скорее, это шелест статического электричества. Вот именно, электричество, по-другому не скажешь. Так звучат мобильные телефоны.

А у Несбита не было с собой мобильного.

Зато они есть у фейнов и у Охотников.

Неужели он уже выдал меня?

Я выливаю воду из ладони, вытираю руку об штаны и достаю нож. До пещеры осталось всего несколько сотен метров, надо только спуститься по склону наискосок, и я иду туда. Шелест по-прежнему слаб, но с каждым шагом становится сильнее. Звериный адреналин в моей крови начинает прибывать, но я дышу медленно, контролирую каждый выдох, стараюсь сосредоточиться на том, что происходит.

~~~~~

~~~~~  
~~~~~

До пещеры всего двадцать метров, я уже на одной прямой с ней, нож лежит у меня в руке.

~~~~~

Чуть ниже меня по склону какое-то движение, темный силуэт едва виден сквозь лес. Раздается фыркание. Я тихо, но быстро иду туда. Силуэт удаляется и скоро теряется между деревьями. Только Охотники умеют ходить так быстро и осторожно – ни одному фейну это не под силу. Я иду за ним. Мы бежим по холму вниз, быстро и безмолвно, я скоро нагоняю и понимаю, что это не один человек в черном, а двое. Я бросаюсь с небольшого утеса вниз, проезжаю по склону и ниже них снова встаю на ноги, но они уже ушли дальше, и тут я вижу, как один человек в черном прыгает на спину другому. Я подбегаю к ним и замедляю шаг. Двое в черном дерутся на маленьком ровном пятчке.

Это не два Охотника. Это Несбит. Охотник преследовал его, но Несбит уже извернулся и держит его за горло обеими руками. Лицо Охотника быстро наливается багровой краской. Несбит поднимает голову, когда я появляюсь из-за дерева, но хватки не ослабляет.

– Парень, ну ты меня напугал. Я уж думал, это второй. А я как раз хотел задать этому типу пару вопросов.

В Охотнике, которого держит за горло Несбит, я узнаю напарника Киерана.

– Он все равно тебе ничего не скажет, а у меня есть проблемы посерьезнее, – отвечаю я. – Второй – невидимка. И движется очень быстро, – добавил я.

— Класс.

Несбит держит за горло Охотника, его тело еще пытается сопротивляться, но уже в полсилы, точно зная, что ему конец. Наконец сдается. Обмякает. Дергается раз, другой и затихает окончательно. Несбит аккуратно опускает его на землю.

– Я знаю второго Охотника, – говорю я. – Ему нужен я. – И тут же понимаю, что мне нужен он и что я его одолею, только не уверен насчет невидимости. А еще мне интересно, станет ли мой зверь мне помогать. Я знаю, что смогу победить Киерана.

Я гляжу вверх по склону. Пещера далеко. Я говорю:

– Лучшее, что ты сейчас можешь сделать, это бежать. Я разберусь со вторым.

– Точно?

Я продолжаю обшаривать глазами склон, но там все по-прежнему тихо.

– Прими мой совет и не показывайся здесь несколько часов.

— Этот без пистолета. С одним ножом, — замечает Несбит. — Они не были готовы.

– Ты остаешься или уходишь?

Несбит с ухмылкой отвечает:

– Удачи, парень, – и скачками спускается вниз по склону. Он быстро исчезает из виду, но я не сомневаюсь, что он еще вернется – хотя бы для того, чтобы поглядеть, кто из нас двоих выжил.

Я поворачиваюсь к нему спиной и иду в другую сторону, к пещере, ступая легко и быстро и все время прислушиваясь. Добравшись до нее, я сажусь на корточки на большой валун над входом, а нож кладу перед собой. Я не прячусь, но так Киерану придется еще подобраться ко мне. Лес тих, как всегда. Солнце уже встало, копыта света падают между ветвей вниз, высвечивая на земле пятячки. Один такой светлый пятячок слева от меня исчезает и снова возникает, как бы мигнув, точно над ним проходит невидимое тело, и я чувствую, как адреналин лавиной устремляется в мою кровь – на этот раз я не хочу мешать зверю. Мелкие камешки осыпаются у меня за спиной, и я оборачиваюсь на звук. Еще один пятячок мигает, адреналина в крови становится все больше, я облизываюсь и поднимаюсь на четвереньки.

~~~~~

По моим жилам бежит чистый адреналин.

Последний взгляд

– Натан? Ты здесь? – Несбит окликает меня, поднимаясь по склону.

Останавливается.

Я не двигаюсь. Киеран тоже.

– О, черт. – Несбит отворачивается в сторону, перегибается пополам и закашливается. Он кашляет до тех пор, пока водянистая слизь не начинает течь из его горла на землю. Потом выпрямляется, переводит дыхание и снова поворачивается ко мне, смотрит на меня, мне в лицо, куда угодно, только не на тело Киерана, которое лежит прямо у входа в пещеру.

– Ты в порядке? – спрашивает Несбит, подходя ко мне.

Мне не хочется отвечать, я молча сижу на земле. Я не помню, что произошло, когда я превратился. Знаю только, что я очнулся рядом с телом Киерана, а его нож торчал у меня в левом бедре. Я вытащил его и залечился. Нашел свою одежду, кучкой лежавшую на том месте, где я ждал Киерана, как будто я сначала уменьшился до микроскопических размеров, а потом превратился... в того зверя. Кольцо моего отца тоже было в той кучке. Теперь я сижу и верчу его на пальце. И все пытаюсь вспомнить хоть что-нибудь, но бесполезно – одна темнота.

– Ты давно ушел? – спрашиваю я.

– Не знаю. Может, часа два назад.

Схватка началась через пару минут после ухода Несбита и, скорее всего, закончилась минуты через две-три. Потом я очнулся, сходил к ручью, помылся и вот уже около часа жду. Значит, я спал совсем недолго, всего минут десять. И все равно я не помню ничего между тем мигом, когда я ждал Киерана над входом в пещеру, и тем, когда проснулся с его ножом в бедре и вкусом его крови во рту. Мне пришлось полежать в ручье, чтобы вода смыла с меня всю кровь. Мое лицо, шея, грудь – все было красное.

Несбит снимает с пояса фляжку и смотрит сначала на меня, потом на Киерана. Когда наши глаза встречаются, он говорит:

– Что, парень, Дар-то у тебя отцовский никак?

Я не отвечаю.

Несбит зажимает ладонью рот, подходит ближе к Киерану, наклоняется и смотрит на него.

– Ты сначала сломал ему шею или это случилось само, когда ты вырывал ему горло?

– Заткнись.

– И потроха у него все наружу, так что ты кто-то с большими когтями, зубами и...

– Заткнись.

– Ладно, я просто думал, так будет легче... ну, знаешь, если об этом поговорить.

– Ты неправильно думал.

– Выпьешь? – Он протягивает мне фляжку. – Может, во рту не так противно станет.

Я матерюсь на него.

– Что ж, если смотреть на дело с практической точки зрения, то убрать обоих было единственно правильным решением.

– Я сказал, заткнись. Нам надо уходить.

– Да, и поскорее. А вот паниковать не обязательно.

– Я не паникую. – Хотя у меня все чешется, до того мне уже хочется идти.

– Эти двое вряд ли сказали кому-нибудь, что они затеяли, иначе весь этот склон уже кишел бы Охотниками.

– А почему ты решил, что он не кишит?

Он ухмыляется.

– Потому, что мы еще живы. Признаюсь честно, парень, я ведь далеко ушел, прежде чем решил наконец вернуться. – Он делает еще глоток из своей фляжки. – И, по-моему, тут на целые мили кругом только мы с тобой да эти два покойника.

– А еще они были без пистолетов. Хотя обычно Охотники бывают вооружены до зубов. Это ведь парни из коттеджа, да? Габриэль рассказал нам о нем, и я проверял его пару дней назад, издали, с большого безопасного расстояния. С другой стороны долины, через бинокль. Ты бывал там в последнее время?

– Две ночи назад.

– Значит, они нашли твои следы. А ведь когда я повстречал тебя в первый раз, я решил, что ты оставляешь след шириной в милю, потому что болен, а не потому, что не умеешь прятаться.

Я снова ругаюсь на него. Я был неосторожен в тот раз, но только потому, что все равно собирался уходить. Или я нарочно оставил след? Может, надеялся, что Киеран его возьмет? Я и сам уже не знаю.

Несбит продолжает:

– Наверное, они просто вышли пройтись; вряд ли они надеялись, что у тебя хватит ума снова вернуться в коттедж. Бродили себе по округе, ягодки собирали или еще чего, вдруг видят – твой след. Точно не мой – я-то ведь никогда следов не оставляю и вообще к коттеджу близко не подходил. Ну, они по нему и пошли. Надо было им вернуться в дом за оружием, да они торопились, боялись тебя потерять. Нам повезло, но их скоро хватятся. Надо уходить. Придется бросить их там, где они есть. Нехорошо, конечно, если на них наткнутся фейны, но, думаю, Охотники здесь к тому времени все приберут.

– Тогда пошли. – Я вскидываю рюкзак на плечо.

Тело Киерана лежит поперек склона. Его правый глаз полуоткрыт; левая сторона лица сплошное месиво, и мелкие мушки уже завязли в крови. Несбит обшаривает одежду обоих Охотников, забирает ножи, оставляет телефоны, складывает трофеи в свой рюкзак, который тоже закидывает на плечо.

Я начинаю двигаться, но, не удержавшись, бросаю последний взгляд назад. На лице Киерана собралось еще больше мух, так что издали кажется, будто у него черная повязка на глазу. Горла у него не осталось, сразу под подбородком виден белый хребет, но грудь цела. Значит, я не съел его сердце, зато живот у него разворочен, и из него свисают красные и фиолетовые сопли. Интересно, что за зверь может сотворить такое с человеком.

Часть вторая Дары

Ван Даль

Мы идем быстро. Несбиту, наверное, лет тридцать с небольшим. Он в хорошей форме и явно неплохой боец, но мне приходится сбавлять шаг, чтобы он не отстал, останавливаясь, когда он хочет отдохнуть. Я-то могу бежать весь день, всю ночь и еще весь следующий день, даже если я мало спал накануне. И вообще я могу спать хоть на бегу.

Несбит не говорит, куда мы идем, но, когда горы и лес остаются позади, мы оказываемся на тропе между полями – она ведет в направлении города, который лежит чуть ниже. Я вижу железную дорогу и спрашиваю, как мы поедем – на поезде? Он отвечает:

– Общественный транспорт? Для нас? Нет, брат, нам надо найти машину.

– Любую машину или твою машину?

Он не отвечает, но даже слегка подпрыгивает от восторга, замечая сверкающий серый седан. И говорит мне:

– Нравятся мне новые «Ауди». Да и ключи у них... – он вытаскивает пипку электронного ключа и трясет им у меня перед носом, продолжая идти спиной вперед, – ... эти, сенсорные, куда проще старых.

Он подходит к водительской дверце и прижимает ключ к замку. Дверца открывается. Мы садимся, Несбит потирает руки.

– Кожаные сиденья, кондер, автоматический контроль курса. Роскошь.

– Но она же не твоя.

Несбит хохочет.

– Собственность – вот истинная кража. Разве не так говорят фейны?

– Что-то я не слышал. – Я беру ключ в руки. Я мало что знаю о машинах, но вижу, что этот от «БМВ», а не от «Ауди».

– Ван наложила на него свои чары, и он теперь открывает любую машину, которая окажется с тобой рядом. – Несбит выруливает с парковки и с жутким скрежетом срывается с места. Я пристегиваюсь. – Через пару часов будем дома. Местечко что надо.

– Дом Ван Даль?

– Не совсем. Кругом полно пустых домов, грех не воспользоваться. Мы максимизируем уровень использования ресурсов, вот как с этими машинами, которые стоят повсюду, никому не нужные.

– Вряд ли вы спрашиваете владельцев, согласны они на такую максимизацию или нет. Несбит ухмыляется.

– Точно, парень. Хотя, когда Ван Даль просит, люди обычно соглашаются. У нее есть для этого специальное снадобье. У нее найдется снадобье на любой случай.

Несбит прав. Дом что надо – современный, большой, под стать какому-нибудь наркобарону. Его окружает трехметровая кирпичная стена с железными воротами – судя по их виду, они вполне могут выдержать ракетный удар; открываются они при помощи электроники, которой управляет, наверное, тот, кто следит за изображениями с видеокамер, установленных над въездом. Но Ван Даль, судя по всему, нашла способ обмануть систему безопасности. Вряд ли это можно сделать при помощи снадобий; скорее, тут в ходу заклятия вроде тех, что помогают открывать чужие машины без ключа.

Мы бросаем «Ауди» и проходим последние мили две пешком.

– Ее найдут. Целую и невредимую, разве что бензина чуть меньше станет, – говорит Несбит.

– А тебя это разве беспокоит? – спрашиваю я.

– На некоторых машинах установлены системы спутникового оповещения. Так что поматросить и бросить – вот мой совет.

У ворот мы встаем под камерами и ждем. Несбит уже нажал кнопку звонка и теперь говорит в переговорное устройство.

– Эй! Это я. А это Натан. Помнишь, я думал, что он умер? Так вот, – Несбит пожимает плечами, – оказывается, нет.

Я бросаю на него злобный взгляд.

– Он хороший мальчик. – Несбит поднимает голову и, глядя прямо в камеру, громким и членораздельным сценическим шепотом сообщает: – Письма у него.

Все тихо, даже система входа не издает никаких звуков.

Солнце жарит во всю, асфальт у нас под ногами раскалился, как духовка. Железные ворота, похоже, вибрируют от жары, но оказывается, они просто начали тихо отъезжать в сторону, и вскоре мы уже идем к дому по длинной и прямой подъездной дорожке. Я оборачиваюсь, ворота закрываются. На земле по внутреннему периметру стены и под воротами положена толстая колючая проволока. Этот дом не только крепость, но и тюрьма. Впереди из-за высоких сосен виднеется строение из стекла и камня.

Из него выходит какой-то мужчина и стоит, следя за нашим приближением. На нем безукоризненный бледно-голубой костюм. Такой бледный, что кажется почти белым. Брюки широкие, под пиджаком жилет, того же бледно-голубого цвета. Подойдя ближе, я вижу, что сорочка на нем белая, галстук светло-розовый, а из нагрудного кармана пиджака высывается уголок носового платка в тон галстуку. Мужчина поворачивается к нам спиной и входит в дом. Он высок, выше, чем я, и строен. Его волосы напоминают мне Сола О'Брайена – того же льняного оттенка, так же гладко зализаны и ровно подстрижены над шеей. Только тут мне приходит в голову, что до сих пор я считал, будто в доме будут только Габриэль и Ван Даль, а тут, оказывается, есть кто-то еще.

– Кто это? Кто здесь еще есть? – спрашиваю я у Несбита.

Глянув на меня, он вдруг начинает кружиться и, похлопывая себя по бокам руками, приговаривать:

– Никого здесь нет, только мы, цыплятки, никого, только мы, ребятаки... – И так, смеясь, напевая, хлопая руками и кудахча, он входит в дом.

Через просторный прохладный холл мы попадаем в гостиную, целую стену которой занимает панорамное окно, а за ним спускается прямо к Женевскому озеру огромный гладкий газон. Комната просторная, в самый раз для хорошей вечеринки или даже бала, но сейчас она разделена на три части диванами, сгруппированными вокруг низких столов.

У одного из них спиной ко мне стоит тот самый мужчина. Он берет со стола серебряную зажигалку и закуривает сигарету, повернувшись ко мне в профиль. У него чистая бледная кожа, которая прямо сияет здоровьем, а когда он затягивается и выпускает струйку дыма, я понимаю, что это не он, а она. Это и есть Ван Даль.

Она поворачивается, глядит на нас обоих, и меня поражает ее красота. Она похожа на мальчика и в то же время на девушку лет примерно двадцати.

– Итак? – Она обращается к Несбиту. Ее голос совершенно не соответствует ее наружности, зато соответствует привычке курить. Судя по тому, как он звучит, за день она выкуривает сигарет шестьдесят, не меньше.

– Итак. Здравствуй, Ван. Рад тебя видеть, рад возвращению. Это Натан.

Ван глубоко затягивается сигаретой и медленно выпускает тонкую струйку дыма. Подходит ко мне ближе и говорит:

– Счастлива познакомиться. Просто счастлива. – Глаза у нее светло-голубые, такие же, как ее костюм. До сих пор я видел глаза только двух Черных: Меркури и моего отца. У обоих они были разные, но при этом совершенно не похожие на глаза Белых Ведьм, – у тех в глазах, по крайней мере, на мой взгляд, то и дело словно мелкие серебристые кристаллы взвихряются и опадают. Но у Ван в глазах сапфиры – они вращаются, уменьшаясь, а при столкновении рассыпаются снопами искр, из которых возникают новые сапфиры. Красивее глаз я еще не видел.

– Письма Габриэля у тебя? – спрашивает она меня. Я обращаю внимание на то, что дым, выходящий из ее рта, не серый, а нежно-розовый, как ее галстук. Словно живой, он оборачивается вокруг шеи Ван, а потом поднимается, смешиваясь с воздухом, отчего ее глаза становятся еще темнее.

Я смутно понимаю, что отвечаю на ее вопрос, но не знаю, что именно.

По-прежнему глядя своими сапфирами прямо мне в глаза, Ван говорит:

– Несбит, я же приказала тебе забрать их. – И смотрит на него.

Я делаю шаг назад, но это трудно. Мне приходится заставлять себя отвести взгляд от Ван.

Несбит отвечает:

– Я должен был доставить их сюда, я это сделал. Конечно, я мог бы изъять их у Натана, при необходимости, но пришлось бы применить силу, а этого лучше было избежать. Он прилично дерется, этот малыш, хотя и нетрадиционным способом – будит в себе зверя. Но он сам здесь, письма при нем, и он ждет не дождется увидеть своего дружка Габби.

– Значит... – говорит она. И подходит ко мне совсем близко, еще ближе, чем раньше, так близко, что я чувствую ее дыхание на своем лице. Оно пахнет не дымом, а земляникой.

– Значит... – повторяю я.

Земляничный запах едва ощутим, и я вдыхаю глубже, чтобы насладиться им. Удивительная женщина, второй такой я не видел. Я делаю еще один вдох и говорю:

– Мой друг Габриэль... Несбит говорит, что ты спасла ему жизнь. Спасибо. Я хочу его увидеть.

– Конечно, хочешь, – отвечает Ван. – Как и он хочет увидеть тебя. А мы хотим увидеть письма.

Письма лежат в той же коробке, где хранил их Габриэль; я открывал ее только раз – в тот день, когда нашел их в женевакской квартире Меркури. А теперь меня так и подмывает вынуть коробку из рюкзака. Но когда я нагибаюсь к нему, то вдыхаю другого воздуха, который не пахнет земляникой. И снова выпрямляюсь, держа в руках рюкзак, но не письма.

Ван улыбается мне, и я чувствую, как у меня слегка подгибаются колени. Анна-Лиза красавица, но в Ван Даль есть что-то гипнотическое. Она по-настоящему оглушает. Надо держать ее на расстоянии.

– Мне надо на воздух, – говорю я, подхожу к окну и открываю скользящую стеклянную дверь. – Давай поговорим на улице.

Воздух там чистый. Без земляники. Хотя очень жарко.

Ван идет за мной и жестом приглашает меня в патио, где можно посидеть в тени. Я подхожу к низкому дивану, но не сажусь, а жду, пока усядется она, и встаю напротив.

Она зовет Несбита.

– Попроси прийти Габриэля и принеси лимонада и чаю на четверых. – Она жестом показывает мне сесть: – Садись, пожалуйста. Габриэль сейчас выйдет.

– Несбит говорил мне, что в Габриэля стреляли, но он поправился. Это правда?

– В него попали дважды, а пули Охотников – опасная вещь. Но да, Габриэль прошел через это. – Она стряхивает пепел со своей сигареты, снова глубоко затягивается и добавляет: – Он еще не совсем поправился. Он очень любит тебя, Натан, и я боюсь, что Несбит, мой идиот-помощник...

– Деловой партнер, – поправляет тот, появляясь в патио с кувшином лимонада в руках, который он ставит на стол между нами.

Ван продолжает:

– Несбит, мой идиот-помощник, сказал нам, что ты мертв. Как я уже говорила, Габриэль очень любит тебя. Он...

Справа от меня какое-то движение. Я оборачиваюсь и вижу Габриэля, который, пристально глядя на меня, медленно входит в патио. Я вижу, что он не верит своим глазам. Он сильно исхудал и говорит что-то очень тихим голосом.

Я встаю, не зная, что сказать. Слова тут неуместны. Мне хочется сказать, что я обязан ему жизнью, но он и так это знает.

Я делаю к нему шаг, он бросается ко мне и обнимает меня, а я его. Он опять говорит что-то очень тихо, по-моему, то же, что и в первый раз, только это по-французски, и я не понимаю.

Он отводит голову назад и заглядывает мне в глаза. Он не улыбается, лицо у него худое и серое. Глаза все те же, фейнские, карие, белки подернуты красной сосудистой сеткой.

Я по-прежнему не знаю, что сказать, и выпаливаю первое, что приходит в голову.

– Я ждал в пещере. Благодаря тебе я смог выбраться из Женевы. Я так надеялся, что ты жив. Я бы умер, если бы не ты.

Раньше он ответил бы на это каким-нибудь едким комментарием, но сейчас он только прислоняется ко мне и снова говорит что-то по-французски.

Так мы и стоим. Я обнимаю его, чувствуя, как он исхудал, как у него торчат ребра. Я не отпускаю его, пока он сам не разжимает объятия.

Он говорит:

– Я думал, что ты умер. – И я соображаю, что именно это он и говорил по-французски. – Несбит сказал, что видел твоё тело.

– Несбит дурак, – чирикает Ван за нашими спинами.

Несбит входит с подносом, заставленным чайными принадлежностями, и говорит:

– Это оскорбительно. Если бы вы сами его видели... – Он опускает поднос на стол и снимает с него фарфоровый чайник, молочник, чашки, блюда и сахарницу, не переставая бормотать про то, какой я был весь серый и холодный, и про мои закаченные глаза.

Закончив, Несбит садится и берется за чайник.

– Значит, я буду мамочкой, ладно?

Следующие полчаса мы рассказываем друг другу о том, что с нами приключилось. Начинает Ван, она говорит мне:

– Натан, ну, расскажи нам о том, что было после того, как вы расстались с Габриэлем.

Яжимаю плечами. Я не знаю, что стоит говорить, а о чем лучше помолчать, не знаю, что ей уже известно.

– Давай я тебе подскажу. Вы, точнее, Роза, похитили некий нож из одного дома в Женеве. И не просто какой-нибудь старый ножик, а Фэйрборн. И не из какого-нибудь дома, а с базы Охотников, и не у какого-то Охотника, а у самого Клея, их вожака. Роза была по-настоящему талантливой ведьмой. Однако план был не продуман, и Роза заплатила за это жизнью. А тебя ранили. – Ван затягивается сигаретой и выдыхает длинную струю дыма в направлении меня. Я ощущаю легкий аромат земляники. – Расскажи нам, что было потом, Натан.

Я смотрю на Габриэля, он кивает.

– В меня стреляли и ранили, я не мог бежать. Габриэль спас меня, он отвлек Охотников. – Я пытаюсь свернуть разговор опять на нее и спрашиваю: – А вы спасли Габриэля, только что вы делали в Женеве той ночью? Я думал, что все Черные Ведьмы сбежали. В городе было полно Охотников.

– Давай сначала дослушаем твою историю до конца, – говорит она, с каждым словом выпуская изо рта клуб дыма. – Ты был ранен, но у тебя был Фэйрборн. Ты бежал из Женевы через лес...

Габриэль перебивает.

– Но как ты оказался в лесу? Почему не вернулся в коттедж Меркури через квартиру?

– От яда, который был в пуле, мне стало плохо. Я заблудился. Пока вышел на квартиру, там было уже полно Охотников. Тогда я пошел пешком, – решил, что до моего дня рождения еще много времени и я успею добраться до Меркури вовремя. По дороге я украл еду, одежду и деньги. Сначала от еды мне становилось лучше, но я все слабел и слабел, пока не упал. Тогда я вырезал из себя яд и отключился. Не умер, конечно, но был очень близко к тому. Тогда-то Несбит меня и увидел. Потом я очнулся и опять пошел к Меркури.

Ван глубоко затягивается.

– И разумеется, у всех у нас на уме один вопрос: ты успел?

– Успел. Но церемонию Дарения провела не Меркури.

– А. Потому что у тебя не было Фэйрборна?

– Нет, потому, что она была занята – отбивалась от Охотников.

Все ждут, что я скажу дальше.

Я говорю:

– Три подарка дал мне мой отец.

Ван моргает.

– Наверняка это была необычная церемония.

– Да.

Я замечаю взгляд Ван, брошенный на мое кольцо и мою руку. Я спрашиваю ее:

– Вы его знаете? Маркуса?

– Мы пару раз встречались, года два назад, очень коротко. Он больше не приходит на собрания Черных Ведм. Давно не приходил.

– Вы знаете, где он живет?

Она качает головой.

– Этого не знает никто.

Секунду-другую мы все молчим, потом Ван произносит:

– И твой Дар, насколько я могу судить по оговорке Несбита, такой же, как у твоего отца. Очень редкий Дар.

Она смотрит на меня, я пытаюсь сохранить выражение безразличия. Не хочется думать о звере. С тех пор как я убил Киерана сегодня утром, он не подавал признаков жизни.

– А что было потом? – спросил Габриэль.

– Отец ушел. Долина кишела Охотниками. Меркури была в ярости. Она сказала мне, что Анна-Лиза у нее и что она освободит ее только в обмен на сердце или голову моего отца. Тут нас нашли Охотники, и я побежал. Примерно через неделю мне удалось от них оторваться. Тогда я вернулся назад, в пещеру, и стал ждать тебя.

– Ты долго ждал.

Я трясую головой, но я не могу сказать ему, что чуть не сдался.

Ван добавляет:

– Да, нам всем повезло, что Натан такой терпеливый.

Рот Габриэля слегка подрагивает.

– Я всегда так о нем и думал: Натан – терпеливый человек.

– И все это вместе чудесным образом приводит нас к настоящему, – продолжает Ван. – Несбит нашел тебя в пещере, когда пошел забирать письма. А! Кстати, о письмах: не будешь ли ты так любезен отдать их сейчас мне?

Я спрашиваю Габриэля:

– Как ты хочешь, чтобы я с ними поступил?

– Я обещал, что отдам их Ван.

– И ты хочешь сдержать свое обещание?

– Она спасла мне жизнь.

Я смотрю на Ван. На ее лице торжество безмятежности.

И я торжественным тоном говорю:

– Конечно, Габриэль, они ведь твои, и я возвращаю их тебе, так же как Ван должна вернуть мне Фэйрборн, потому что он мой.

Ван улыбается, так же безмятежно.

– Твой? Ты украл его у Клея. Точнее, его украла Роза.

– А Охотники украли его у Массимо, моего прадеда. Он принадлежит моей семье.

Она пьет чай и говорит Несбиту:

– Как, по-твоему, вернуть ему Фэйрборн? Тебе решать, ведь это ты его достал.

Несбит скалится, точно злая собака, и встряхивает головой один раз.

– Я вынуждена согласиться с Несбитом. Ты небрежно обращался с ножом в первый раз. Если уж Несбит смог забрать его у тебя... то смог бы и ребенок. А его нужно хранить в надежном месте. Это опасный и могущественный предмет. Так что, думаю, пока я пригляжу за ним сама.

– Он мой!

– Вообще-то, мой дорогой мальчик... – Ван смотрит на меня, и в ее глазах горит драматический синий огонь, – я с тобой согласна. Однако – говорю это, питая к тебе одни лишь добрые чувства, – не надо, чтобы он был у тебя. Пока. Это неприятная вещь, полная злого волшебства. Уверяю тебя, у меня он будет в безопасности. – Она тянется к чайнику. – Еще чаю?

Все молчат. Разливая чай, она говорит:

– Натан, письма принадлежат Габриэлю. Пожалуйста, верни их ему.

Я смотрю на Габриэля, он кивает.

Амулет

Габриэль открывает жестянку, просматривает все письма и выбирает одно, из середины пачки. На конверте черный отпечаток моих пальцев, еще с тех пор, когда я нашел их в дымовой трубе в женеvской квартире.

Габриэль кладет это письмо на стол между собой, и Ван и говорит:

– Амулет. Он твой. Спасибо. Если бы не ты, я бы умер. – Он разворачивает сложенное в несколько раз письмо, и мы все наклоняемся над ним, чтобы посмотреть.

Ван говорит:

– Спасибо, Габриэль. Он и впрямь прекрасен.

Я подвигаюсь еще ближе. Не уверен, что прекрасный – именно то слово, которым я воспользовался бы сам. Передо мной кусок пергамента, пожелтевший от старости, со следами выцветших чернил – что-то было написано на нем, только совсем не так, как я видел раньше. Строчки здесь идут кругами. Точнее, полукругами, потому что пергамент разорван надвое.

– Что тебе говорила о нем мать? – спрашивает Ван.

– Не много. Она считала, что он может оказаться ценным, из-за возраста. Рассказывала, что ее бабка нашла его в одном старом доме в Берлине. В смысле, украла. Но больше она не знала ничего.

– И где вторая половина, тоже не знала?

– Нет, это все, чем мы владели.

– А Меркури его видела? Ты объяснил ей, о чем идет речь?

Габриэль пожимает плечами.

– Я не говорил, что у меня только половина. Боялся, что она не заинтересуется, если узнает. Сказал только, что у меня есть амулет, который оставила мне мать, что он старый и очень ценный. Она даже не спросила у меня, какой именно амулет, наверное, потому, что их совсем немного.

– Да, амулетов на свете по пальцам перечесть, это верно, да и те по большей части никуда не годятся. Мне очень повезло, что ты не описал его ей. Да и тебе, по чести сказать, тоже. Меркури немедленно догадалась бы, о чем идет речь, и, не задумываясь, убила бы тебя за одну только половину. – Ван очень осторожно завернула амулет в письмо и спрятала его в карман пиджака.

– Но почему? – спросил Габриэль. – И ты знаешь, у кого вторая половина?

Ван повернулась к Несбиту.

– Думаю, нам стоит выпить шампанского, как ты считаешь? Наверняка в здешних погребах великолепная коллекция. – Она улыбнулась Габриэлю. – А может быть, юноши предпочтут обойтись чаем?

...Позже мы с Габриэлем вдвоем сидим в его спальне. Шампанское пили мы оба. Правда, я не понимал, ни зачем я пью, ни что я праздную, и мне это совсем не нравилось. Раньше я никогда не пробовал шампанского, да и вообще алкоголя. Зато Габриэль и Ван говорили о нем так, словно обсуждали хорошую книгу.

Когда мы шли в комнату Габриэля, коридор как будто накренился. Я сказал об этом Габриэлю, он назвал меня «легковесом» и пошел вперед. Потом обернулся и стал смотреть, как я приближаюсь. Приятно было видеть его улыбку; как будто он совсем стал самим собой. И вот мы с ним одни, сидим на его кровати, и я, наконец, могу попросить его рассказать мне свою историю.

– Оставив тебя, я побежал. Просто бежал, и все, ничего особенного. Я бежал, Охотники за мной. Я кричал, торопил тебя, как будто ты все еще был со мной. Подействовало – они решили, что мы вместе. Повезло. Лучшей защитой мне служили люди – в смысле, фейны. Я все время держался таких мест, где было много народу, шума, толчеи, всего, что так не любят Охотники: фейнов, их полиции, крика, паники и стрельбы. Я надеялся, что они и меня примут за фейна, но, с другой стороны, мне надо было, чтобы они продолжали бежать за мной. Они стреляли в меня, два раза, пока я бежал. Раны были пустяковые, но яд от пуль делал свое дело, а я не могу залечиваться и потому знал, что долго не протяну. Но я думал только об одном: продолжать бежать. Помню, ко мне подъехала машина, наверное, это была Ван. Потом полный провал до тех пор, пока я не очнулся здесь, в этой комнате, много дней спустя. Я был болен, но потом, уже когда я выздоровел, Ван дала мне какое-то снадобье, и я все ей рассказал. О себе, о своей семье, о письмах, об амулете... и о тебе. Прости меня, Натан. Знаю, что я не должен был. Я...

– Все в порядке. Рассказал, так рассказал. Главное, что ты жив. Я так этому рад. Ведь я думал, что ты умер. Не хотел верить, но как иначе: будь ты жив, ты был бы уже в пещере.

– Я бы умер, если бы не Ван.

– Но как она оказалась в Женеве? Зачем рисковать жизнью ради какого-то амулета – точнее, половинки?

– Не знаю. Она говорила мне, что как раз незадолго до всего этого узнала, что половинка может быть у меня. О том, что я в Женеве, ищу Меркури, узнать было не сложно. Сначала она боялась, что амулет попадет в руки Меркури, но потом, когда Несбит сказал ей, что ты умер, она стала бояться, как бы его не захватили Охотники.

– Зачем он им? Что он делает?

– Половинка амулета не делает ничего. Но вообще амулеты, когда они целые, исцеляют и защищают. Она потратила немало усилий на поиск одной половинки и, я думаю, полна решимости во что бы то ни стало найти вторую; когда у нее в руках окажется целый амулет, то он, может быть, восстановит свою силу.

– И ты правда совсем ничего про него не знаешь?

– Правда. Для меня это просто вещь, которой владела когда-то моя мать. Письмами я дорожу больше. – Мы оба сидим на краю кровати, но тут он отодвигается назад и опирается спиной о стену. – Пусть Ван берет его себе. Меня такие вещи не интересуют.

– Какие – такие?

– Всякие. Не простые. Амулеты, ножи и прочее.

– Так я и думал.

Упираясь в стену затылком, он не сводит с меня глаз.

– До чего же хорошо снова видеть тебя, Натан. Я так рад, что ты жив. Очень рад. – Вид у него усталый: кожа бледная, почти серая, под глазами темные круги. Он продолжает:

– Кто бы мог подумать, что мы с тобой окажемся здесь, в этом красивом доме? И будем сидеть бок о бок, живые. И пьяные от шампанского.

Но его слова насчет «непростых вещей» не дают мне покоя: может быть, это неправильно, что я так хочу Фэйрборн обратно? Я думал, что если он будет у меня, то я докажу своему отцу, что не убью его. Хотя, может быть, для этого не нужен Фэйрборн.

– О чем ты думаешь?

– Да так, о разном. О Фэйрборне. О моем отце.

– Какой он?

– Мой отец? Сам не знаю. Я вообще его незнаю. Он куда симпатичнее, чем я его себе представлял, в смысле, чище. Носит костюм. Глядя на него, и не подумаешь, что он убил сотни людей.

– Я спрашиваю, какой он человек, а не во что он был одет.

– И что ты хочешь от меня услышать? Что он могучий? Потрясающий? Да, он такой. И даже сильнее, чем я считал возможным. Он сделал такую штуку, вроде как остановил время – снежинки висели вокруг нас и ждали, когда им разрешат упасть, а мы сидели и разговаривали, как будто в порядке вещей. Во мне еще сидела охотничья пуля. Он ее вырезал. Потом дал мне три подарка: кольцо, пулю из моего тела и мою жизнь. – Я снимаю с пальца кольцо и протягиваю его Габриэлю. – Потом он порезал себе ладонь, и я выпил его кровь. Я думаю, что он уже давно, всю мою жизнь, думал о том, как даст мне три подарка. Он ждал, когда я вернусь к Меркури; он знал, что я пойду туда. И он столько сделал: остановил для меня время, спас мне жизнь своими тремя подарками, а потом... ушел! Бросил меня снова! Оставил меня в долине один на один с Меркури и целой стаей Охотников.

Габриэль молчит.

– Я всегда думал, что, когда мы встретимся, я объясню, я докажу ему, что я никогда его не убью. И я пытался сказать ему это, но он как будто не слушал. Он мог меня убить, а вместо этого спас мне жизнь. И все было так удивительно, так замечательно, а потом... все пропало.

– Он твой отец, но он верит видениям – о том, что ты его убьешь.

– Он сказал: «Я не слишком верю видениям. Но я осторожный человек», или как-то в этом роде. То есть, по большому счету, он мне не доверяет. Не верит, что я потерял Фэйрборн. Так что «непростые вещи» кое-что значат, Габриэль, ведь, будь у меня нож и отдай я его отцу, он бы не бросил меня снова. Глупость в том, что я ненавижу его за то, что он ушел. Не за то, что он убивал людей, не за то, что ел их сердца, а за то, что он бросил меня в детстве, а теперь бросил опять.

– Это не ненависть. Это просто злость. – Габриэль усмехнулся. – А значит, ты не питаешь к нему никаких особых чувств, ведь ты почти всегда на кого-нибудь да злишься.

Я отвечаю ему матом, а потом добавляю:

– Я рад, что ты жив, Габриэль. С тобой мне всегда есть на кого злиться. – В голове у меня все плывет, и я утыкаюсь лицом в кровать. – Мне надо поспать. И тебе тоже.

Конечно, я не сплю, потому что мы в доме, но я сижу рядом с ним так долго, как только могу, то есть не очень долго, ведь я не могу спать под крышей ночью. Мне надо на воздух.

Я выхожу и осматриваю территорию вокруг дома. Участок – большой, заросший лесом, со всех сторон огороженный стеной и колючей проволокой – плавно спускается к воде. Но озеро не огородишь, и участок кончается узким каменистым пляжем с небольшим деревянным причалом без лодки. Красиво. Напротив черными силуэтами встают горы. Теплый ветерок разгоняет облака, выглядывает луна. Самое время окунуться.

Вода прохладная. Тихая. В ней словно растворилось отражение луны. Я заплываю далеко от берега, ложусь на спину и долго смотрю в небо.

Вдруг что-то щекочет мне ногу, и я чувствую, как звериный адреналин тут же начинает наполнять клетки моего тела. Но медленно, постепенно, потому что я говорю себе успокоиться, глубоко дышу, объясняю себе, что это всего лишь рыба или еще что-нибудь плавает в воде. И так я дышу и уговариваю себя до тех пор, пока адреналин не улетучивается, не высасывается в крови, как будто и не было никогда.

Луна по-прежнему смотрится в воду, когда я спрашиваю себя, смогу ли я заставить адреналин вернуться. Я выдумываю всякие опасности, таящиеся в воде, чудовищ, дремлющих в глубинах, рыскающих во тьме, крадущихся ко мне снизу – например, огромного угря, который поднимается на поверхность, чтобы проглотить меня целиком. Я погружаюсь с головой, открываю глаза, оглядываюсь под водой, чувствую, как подо мной темно и холодно, представляю, как угорь подплывает ко мне...

Ничего не происходит. Угри, даже если они здесь есть, спят, и мой адреналин тоже. Я вынырываю и озираюсь, почти надеюсь, что какое-нибудь чудовище все же появится, но все спокойно, и через пару минут я уже выбираюсь на берег.

На траве у самой воды сидит Габриэль и ждет меня. Я одеваюсь и сажусь рядом.

Он говорит:

– Я посплю здесь, с тобой.

Я собираю хворост и развожу костер, мы садимся возле него и скармливаем огню одну веточку за другой, а когда они кончаются, я встаю и набираю еще. Мне интересно, спросит Габриэль, почему я не сплю, или нет, но он молчит. Перед рассветом он засыпает. Тогда и я решаюсь, наконец, закрыть глаза. Днем я еще никогда не превращался в зверя, только если меня преследовали Охотники, но не думаю, чтобы это случилось сейчас. А вот ночью... кто знает?

Мы просыпаемся несколько часов спустя, и Габриэль уже выглядит лучше: краски частично вернулись к его лицу, он улыбается, увидев меня.

Мне надо поговорить с ним об Анне-Лизе, но я откладываю этот разговор на потом.

– Ты поспал? – спрашивает он.

– Так же, как и ты. Довольно.

– Хорошо. – Он встает и потягивается. – Нам надо позавтракать. Кофе, круассаны, булочки и яйца... Особенно яйца.

Мы едим весь день. Мы оба порядком отощали: по крайней мере, утром дело обстоит именно так. В обед мы купаемся и лежим на солнышке, чтобы просохнуть. Второй день над нами безоблачное небо и палящее солнце.

Габриэль говорит:

– Мы все говорим да говорим, а о том, в чем мы с тобой расходимся, ни слова.

– А я не хочу с тобой расходиться, мы и так долго не виделись. – Но я знаю, что от разговора об Анне-Лизе никуда не денешься. Я должен ее спасти: как бы смешно, напыщенно и даже глупо это ни звучало, но это мой долг. Не могу же я бросить ее в плену у Меркури. И я говорю:

– Я должен помочь ей.

– Ничего ты не должен.

– Должен, Габриэль. Это из-за меня Анна-Лиза в беде. Эта кома, или что там еще с ней случилось, из-за меня.

– Это не кома, и ты ничего ей не должен.

– Я хочу помочь ей, Габриэль. Мне нужно ее освободить. Анна-Лиза – мой друг. Я очень... мне она очень нравится. Я понимаю, ты ей не доверяешь, но она никогда не предаст меня и никогда не предавала.

Теперь он смотрит на меня.

– Как Охотники узнали о квартире Меркури в Женеве?

– Что?

– Не притворяйся, ты слышал. Как они туда попали? Ты сказал, что они были в той квартире, подстерегали тебя на подступах к ней. Я их туда не приводил. Я там и близко не был в тот день. Так как они узнали?

– Маркус сказал мне, что Охотники научились распознавать проходы в пространстве. Наверное, так они и вычислили квартиру.

Габриэль садится.

– Нет, Натан. Думаю, все было совсем не так. Вряд ли они могут распознавать прорехи с большого расстояния. Умей они это, проход к настоящему дому Меркури уже давно был бы ими найден.

– Может быть, он и найден, откуда нам знать. А может, Меркури успела его уничтожить, и теперь его никто никогда не найдет.

– Ты выдумываешь причины и подбираешь объяснения, тогда как настоящая причина у тебя под носом, просто ты не хочешь ее видеть: Анна-Лиза выдала квартиру Охотникам.

– Ты сам говорил мне, чтобы я не выходил из квартиры, а я вышел. Кто-нибудь, не знаю кто, какой-нибудь информатор, стукач, полукровка, увидел, как я шел за тобой. Он и сообщил Охотникам, вот они и ждали меня там, когда я пришел.

Габриэль молча ложится.

Я говорю:

– Согласись, такое тоже возможно.

Он не смотрит на меня, и я считаю это признанием своей правоты.

Я говорю:

– Габриэль, я ей верю. Она пыталась нам помочь. Она сказала мне о том, как Охотники охраняют свою базу, какими заклинаниями пользуются.

– Просто ей надо было укрепить твоё доверие, Натан, доказать тебе свою преданность. Шпионам ведь не пишут на лбу: «Я шпион». Наоборот, они обычно ведут себя так, как будто они на твоей стороне, в этом все дело.

Я вспоминаю Анну-Лизу, как она сидела рядом со мной на крыше коттеджа Меркури и тряслась от страха, и знаю, что она меня не выдавала.

– Я должен хотя бы попытаться помочь ей, Габриэль. Ты сделал это для меня, а я должен сделать то же самое для нее.

Он молчит.

– Она очень нравится мне, Габриэль. Ты же знаешь.

Габриэль закрывает лицо рукой, согнутой в локте. Он молчит, но его грудь часто поднимается и опускается.

– Я хочу обратиться к тебе с серьезной просьбой.

Я жду.

Молчание.

– Ты сможешь мне найти Меркури? – Мы оба знаем, где бы ни была сейчас Меркури, Анна-Лиза с ней. – Мне нужна твоя помощь, Габриэль.

Он не отвечает. И не открывает лица.

Больше сделать ничего нельзя, и я спускаюсь к озеру.

Немного погодя он подходит ко мне, садится рядом, и мы вместе смотрим на тихую воду, горы за ней и чистое голубое небо надо всем этим.

Габриэль говорит:

– Ван говорила мне, что ты умер. Несбит описывал твоё тело, рану в боку. Он принес Фэйрборн, а я знал, что ты не отдал бы ему нож, если бы был жив. Поэтому я поверил, что ты умер. У меня не было ни тени сомнения. – Он скользит по мне взглядом, но тут же снова поворачивается к озеру. – Я плакал. Долго плакал, Натан. И придумал, что, когда смогу, пойду, найду твоё тело, прижму его к груди и не отпущу больше никогда. Так и останусь с тобой, умру с голоду, но, по крайней мере, с тобой рядом. Я думал, это все, что мне осталось.

– Габриэль... – Но я не знаю, что еще сказать. Я не хочу, чтобы он голодал и умер. – Ты мой друг, Габриэль. Мой лучший, мой единственный друг. Но...

Он поворачивается ко мне лицом.

– Я всегда буду с тобой; куда бы ты ни пошел, я за тобой, всегда. Потому что я не хочу быть нигде больше. Если ты пойдешь к Меркури, значит, и я пойду к ней. Если захочешь, чтобы я помог тебе освободить Анну-Лизу, я помогу.

Я смотрю ему в глаза и вижу, как он сердится.

– Спасибо. – Кажется, я в первый раз благодарю Габриэля, но я знаю, что ему не нужна моя благодарность; ничего такого ему не нужно.

Предложение

– У меня есть одно предложение. – С этого замечания Ван началась наша замысловатая вечерняя трапеза; еда уже почти подошла к концу, а мы так ничего больше и не услышали.

Ван сидит во главе стола, я – слева от нее, а Габриэль – напротив меня. Мы провели вместе весь день: ели, купались, загорали и время от времени ссорились. Габриэль говорит, что мы сейчас в отпуске, как фейны, и что фейны проводят свои отпуска именно так. Ссорились мы не из-за Анны-Лизы, о ней мы больше не говорили. Мы спорили о том, кто из нас бежит быстрее (я, причем на целую милю, но Габриэль доказывал, что это он выигрывал каждый наш забег, применяя к себе какую-то сложную систему вычисления гандикапа, подходящую для тел фейнов), кто дальше проплывет под водой (снова я, на пятьдесят метров, однако гандикап в очередной раз выявил мое отставание), кто быстрее лазает (здесь в саду есть стена для лазания – куда же уважающему себя наркобарону без нее – и уж тут Габриэль выигрывает у меня вчистую, а пересчет наших результатов по системе гандикапа и вовсе низводит меня до скорости улитки). Мы много едим и много говорим о еде: например, во что лучше макать круассан – в кофе или в горячий шоколад, что вкуснее – хлеб с арахисовым маслом или шоколадным спредом, чипсы с майонезом или кетчупом, и так далее в том же духе. Я понимаю, как сильно я по нему скучал. Он отличная компания для отпуска, но, похоже, наш отдых подошел к концу.

Ужин торжественный, с хрусталем, с множеством ножей и вилок, со свечами, хотя я одет по-прежнему. Ван великолепна в безукоризненном костюме сливочного цвета, а Габриэль принарядился в то, что нашел в доме. Они с Ван здорово смотрятся рядом. А вот Несбит далеко не так хорош собой и одет в свою обычную черную одежду. Он повар и официант в одном лице и, должен признать, очень хорош в обоих качествах. Вообще, если подумать, он прямо на все руки мастер: и готовить, и чай подавать, и следы замечать, и Охотников душить. Да, помощник у Ван из самых лучших.

На первое был суп, на второе – ягненок, но десерта не подали.

– Мы и сами сладкие, зачем нам еще сладкое, – прокомментировала эту недостачу Ван. Теперь она отправляет Несбита за кофе.

Он забирает мою тарелку, и я не могу побороть искушение сказать:

– Я грозился отрезать Несбиту язык, если он не назовет мне имя своего босса.

Ван даже не поворачивается в мою сторону, так и продолжает смотреть вслед Несбиту, который удаляется со стопкой тарелок.

– Несбит все сделал правильно. И я рада, что ты тоже так поступил. – Слегка замаявшись, она оглядывается на дверь, за которой скрылся Несбит. – Мы с Несбитом старые друзья, и хотя моя жизнь несомненно стала бы куда более спокойной, лишись он в один прекрасный день языка, однако с языком он все же полезнее.

Я так и не могу понять, что их связывает. Ван говорит, что они с Несбитом старые друзья, а сама выглядит моей ровесницей, хотя ведет себя так, словно живет уже целую вечность. И вообще они с Несбитом напоминают слугу и хозяйку, которые вместе уже не один десяток лет.

Я говорю:

– Несбит сказал, что вы эксперт по части снадобий.

– Очень мило с его стороны. Да, я действительно предпочитаю снадобья. И уж точно никогда не стала бы прибегать к такому грубому орудию, как нож, для удаления языка. Снадобья действуют точнее и разнообразнее, чем любой клинок. К примеру, стоит мне поместить, скажем, на твой язык одну каплю некоего снадобья, и ты с удовольствием съешь его – я имею в виду язык.

– Никогда о таком не слышал. А моя бабушка тоже знала толк в снадобьях.

– Полагаю, ты говоришь сейчас о бабушке по Белой линии своего родства? – Ван не ждет от меня подтверждения и продолжает: – Большинство Белых Ведьм не имеют и понятия об истинной силе снадобий Черных Ведьм. Способы применения снадобий бесконечны, а их могущество безгранично. По моему скромному мнению, они есть самое мощное из средств воздействия.

– И как, вы уже к нему прибегали? Заставляли кого-нибудь съесть свой язык?

Ван едва заметно пожимает плечами.

– У меня осталось мало врагов; я почти со всеми разобралась.

Несбит вернулся, он собирает оставшиеся блюда и тарелки и, громоздя их одно на другое, говорит:

– Расскажите им о снадобье для тех, кто не платит долги. – И ухмыляется мне и Габриэлю. – Ребята, я отрабатываю свою кормежку. Пора и вам подумать о том же.

– Не думаю, что это подходящая тема для послеобеденного разговора, – отвечает Ван. – Хотя средство действительно очень эффективное.

– Мне кажется, Габриэль уже отблагодарил вас за помощь, – говорю я.

– Да. В целом я склонна думать, что мы все чисты друг перед другом. Габриэль жив и здоров, а я получила обещанную половинку амулета. Габриэль проявил терпение и такт: идеальный гость и такой же пациент. Да и у тебя, Натан, есть свой шарм.

– Да ну? – Не могу поверить, чтобы Ван видела во мне что-то похожее. Я смотрю на Габриэля, тот ухмыляется – без сомнения, замечанию насчет моего шарма, – и говорю Ван: – Мы уходим завтра.

– Ну, это вам решать.

– Вот именно.

– Могу ли я поинтересоваться вашими дальнейшими планами?

– Можете интересоваться всем, чем захотите.

– Полагаю, вы намерены разыскать Меркури и устроить побег твоей подруге Анне-Лизе. Достойное применение силам юноши, ослепленного любовью. – Она улыбается мне и, не стирая с лица улыбки, поворачивается к Габриэлю.

– Я не ослеплен любовью.

– Нет. Конечно же, нет, – говорит Ван. – Но миссия все равно достойная.

Несбит вносит кофейник и ставит его прямо на середину стола, между всеми нами. Ван продолжает.

– Несправедливо, что я знаю ваши планы, а вы не знаете моих. А я превыше всего ценю справедливость. – Она подает Несбиту знак наливать кофе. – У меня тоже есть миссия, своего рода.

– Найти вторую половину амулета? – спрашиваю я.

Ван покачивает головой:

– Да, надеюсь, что со временем мне удастся сделать и это, однако в данный момент у меня совсем иная задача первостепенной важности.

– И какая же?

– С тех пор как ты, Натан, покинул мир Белых Ведьм, там многое изменилось. Прежнего Предводителя Совета, Глорию Гудейл, подсадили и выжили с должности. Сол О’Брайен воспользовался твоим побегом из здания Совета для того, чтобы ускорить ее падение. Ни один пленник никогда еще оттуда не убежал, а ты не просто пленник, ты сын Маркуса. Твой побег был событием столь же беспрецедентным, сколь и непростительным.

– Но ведь я был пленником самого Сола. – По крайней мере, я всегда так считал.

– Не важно, кто именно привез тебя туда и почему. Нанятые Советом сторожа не смогли тебя устеречь, а магия, охраняющая входы и выходы в здание, не смогла тебя в нем удержать.

А ведь все это – здание, стража, заклинания – сфера ответственности Главы Совета. И Глория взяла на себя всю вину, а уж Сол расстарался, чтобы мало ей не показалось.

– То-то у меня всегда было такое чувство, что мой побег дался мне как-то уж очень легко. По крайней мере, никто меня не удерживал.

– Мои источники утверждают, что Сол сам дал тебе уйти. Хотя не все получилось так, как он планировал. Он хотел, чтобы тебе сначала отрезали палец и закупорили его в ведовскую бутылку. В их намерения входило заставить тебя убить своего отца, а потом разделаться и с тобой тоже. Но, как я вижу, все пальцы у тебя пока на месте. – Она поводит рукой с сигаретой в сторону моей руки, лежащей на скатерти. – Тем не менее твой побег все же сослужил Солу хорошую службу. Он помог ему свалить Глорию и самому встать во главе Совета.

– Так, значит, теперь Советом управляет один мужчина, а Охотниками – другой? Наверное, впервые за всю историю. Вряд ли Белым Ведьмам это понравится.

– Ты прав. Женщины, как правило, обладают куда более сильным даром, чем мужчины. Вы с Габриэлем в этом смысле счастливые исключения. – Тут Несбит пытается напомнить о себе громким кхеканьем, но Ван на него даже не смотрит. – В общем, обычно мужчины не занимают оба эти ключевых поста одновременно. Кстати, Клею от тебя тоже не поздоровилось. Сколько Белых Ведьм расстались с жизнью, охраняя Фэйрборн, а нож украли у него, да еще в его дежурство, причем сам он не получил и царапины. Многие стали требовать, чтобы он ушел, и ему пришлось... подчиниться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.